

II. Героическій вѣкъ.

Эгейская культура и гомеровскій эпосъ. Первый вопросъ при изученіи исторіи классической Греціи состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить отношеніе древнѣйшей эгейско-критской культуры къ эпохѣ собственно греческой. Составляетъ ли вторая продолженіе первой, въ родѣ того, какъ римская имперія есть продолженіе республики, или онѣ совершенно раздѣлены великими катастрофами и относятся другъ къ другу, какъ имперія Карла Великаго къ имперіи Траяна и Константина, какъ испанцы, завоеватели Америки, къ инкамъ и ацтекамъ, какъ мусульмане въ Испаніи и Византіи къ своимъ предшественникамъ христіанамъ? Принадлежатъ ли гомеровскіе греки, а за ними спартапцы, афиняне и др. къ той же расѣ, что и носители старинной культуры, или нѣтъ?

Въ частности это—вопросъ объ исторической оцѣнкѣ древнѣйшаго литературнаго памятника грековъ, гомеровскихъ поэмъ. Если классическая Греція—прямое продолженіе эгейско-критской, то воспоминанія о старинѣ должны были остаться очень живыя; въ Гомерѣ тогда надо предполагать послѣдній отголосокъ старой эпохи. Если же между тѣмъ и другимъ историческимъ міромъ былъ рѣзкій и продолжительный перерывъ, тогда о древности сохранились лишь глухія воспоминанія, и Гомеръ могъ только отразить начало новаго времени на новой и совершенно иной культурной почвѣ, чуждой старинѣ.

Фукидидъ и Геродотъ о греческой старинѣ. Намъ прежде всего интересно прислушаться къ тому, что думали объ этихъ вопросахъ сами греки въ эпоху, когда у нихъ начинались историческія изслѣдованія, какъ они понимали свое прошлое. Вопросу о происхожденіи греческой культуры посвящена знаменитая Археологія Фукидида, то-есть вступительная глава (I, 1—22) его большой исторіи Пелопоннесской войны (приблиз. годы жизни Фукидида. 465—400 до Р. X.).

Для насъ теперь всего поразительнѣе въ очеркахъ Фукидида то обстоятельство, что онъ не подозреваетъ о существованіи блестящихъ

культуръ Микенъ, Крита, Трои, открытыхъ археологіей нашего времени. Согласно Оукидиду, греческая исторія начинается сравнительно недавно; первые шаги греческой народности жалки и ничтожны: бѣдныя, бродячія племена, раздирающія другъ друга въ мелкихъ усобицахъ; плохая обработка земли, жизнь не въ городахъ, а въ едва сколоченныхъ деревняхъ, грабежи и набѣги разбойничьяго калибра, тотъ—его картина ранняго быта. Изъ очерка Оукидида не видно, чтобы греки смѣнили у Эгейскаго моря какую-нибудь другую, болѣе богатую и культурную народность, чтобы у нихъ осталось какое-нибудь наслѣдство. Они тутъ, на почвѣ «такъ называемой нынѣ Эллады», были первыми поселенцами. Стариннаго критскаго властителя морей, Миноса, Оукидидъ считаетъ грекомъ; въ его лицѣ впервые сдѣлана была попытка объединенія островныхъ грековъ; критяне поднялись надъ уровнемъ пиратства и выгнали иноплеменныхъ морскихъ разбойниковъ, карійцевъ¹. Слѣдующая ступень усиленія грековъ и объединенія ихъ—троянская война, описанная Гомеромъ. Такъ идетъ дальше самобытная жизнь грековъ, ничѣмъ не обязанныхъ другимъ народамъ, исключительно своими собственными средствами строящихъ политическую и матеріальную жизнь. Читая Оукидида, получаешь впечатлѣніе, какъ будто до появленія грековъ вообще не было исторической жизни.

Правда, Оукидидъ и не ставилъ себѣ цѣлью выясненіе международныхъ отношеній и культурныхъ вліяній; его главная задача была только въ томъ, чтобы показать, какъ нарастали богатства и морскія силы Греціи; правда и то, что Оукидидъ по преимуществу націоналистическій историкъ. Ни у кого, можетъ быть, такъ сильно не отразилось гордое сознаніе грековъ V вѣка, считавшихъ себя великой націей, послѣ того, какъ они побѣдоносно отразили натискъ громадной восточной державы. Въ виду этой сознательной односторонности Оукидида важно сопоставить съ его изображеніемъ старины взгляды и построенія другого историческаго изслѣдователя V вѣка, Геродота (приблиз. годы его жизни 484—425 до Р. Х.), обладавшаго гораздо болѣе широкимъ кругозоромъ съ примѣсью космополитизма, готоваго охотно преклоняться передъ чужими древностями. Геродотъ не считаетъ греческую культуру самобытною; онъ опредѣленно признаетъ чуть не всю греческую религію заимствованіемъ изъ древняго Египта. Когда, однако, заходитъ рѣчь о греческой старинѣ, Геродотъ также не знаетъ иного начала націи, кромѣ того, которое извѣстно и Оукидиду: мифическія фигуры греческихъ сказаній, которыя онъ превращаетъ въ историческія лица, тотъ же Минось критскій, греческіе пираты, соперничающіе въ похищеніи женщинъ съ финикійцами,—вотъ персонажи и отношенія, которые стоятъ у него въ самой глубинѣ гре-

ческой исторіи ². Опять ничего похожего на знакомство съ міромъ эгейско-критской культуры.

Какъ понять это поразительное невѣдѣніе грековъ относительно древнѣйшей исторіи своей страны? Остается думать, что носители старинной культуры принадлежали къ расѣ, чуждой грекамъ; греческія племена надвинулись варварской лавиной, которая въ нѣсколько пріемовъ истребила все слѣды стариннаго эгейско-критскаго быта. Эту катастрофу нельзя себѣ представлять въ видѣ одной большой разрушительной войны; тогда должно было бы остаться больше слѣдовъ и воспоминаній о разбитой жизни. Нѣтъ, повидимому, борьба длилась вѣками; нашествія слѣдовали за нашествіями. Первые завоеватели захватили много изъ стариннаго мѣстнаго обихода и жили въ быту смѣшанномъ, полукультурномъ; ихъ смѣнили потомъ болѣе дикія племена, опрокинувшія и эту промежуточную культуру. Среди послѣдовательныхъ разрушеній стирались слѣды старины.

Можетъ быть, нѣкоторую аналогію этимъ событіямъ представляетъ завоеваніе германцами римской имперіи. Сначала въ Италію и Галлію вступаютъ готы и бургунды, уже раньше бывшіе въ соприкосновеніи съ римлянами. Теодорихъ остготскій живетъ въ прежней римской столицѣ, Равеннѣ, держитъ при себѣ римскую канцелярію. Слѣдомъ за этими первыми, болѣе мягкими и почтительными къ старинѣ завоевателями являются новые погрубѣе, франки, лангобарды. Они остаются жить въ деревняхъ, и города римскіе приходятъ въ упадокъ; вступаютъ въ силу новое право и т. д. Надо думать, что катастрофа, въ результатѣ которой погибла эгейско-критская культура, была еще основательнѣе, чѣмъ смѣна римской имперіи варварскими государствами. Греки точно начали съ какой-то бѣлой доски. Можно представить себѣ, въ какой мѣрѣ основательно потомки завоевателей забыли все, что предшествовало завоеванію, и что связано съ его ходомъ. Впрочемъ, объ одномъ изъ этаповъ завоеванія сохранилось преданіе; это именно разсказъ о *передвиженіи дорянъ въ Пелопоннесъ*. Преданіе, разумѣется, по-своему рѣзко и драматично изображаетъ приходъ завоевателей въ видѣ одного натиска; оно неправо и въ томъ отношеніи, что говоритъ о завоевательномъ движеніи только одной группы варваровъ, надвигавшихся въ европейскую Грецію. Но оно очень вѣрно передаетъ направленіе движенія: оно выводитъ дорянъ съ сѣвера изъ Тессаліи; нужно представить себѣ, что другія группы варваровъ, будущихъ грековъ, вышли раньше съ еще болѣе далекаго сѣвера.

Можно далѣе понять, какъ перешла въ греческую традицію фигура Миноса критскаго, хотя о самой критской старинѣ исчезла всякая память. Критская держава II тысячелѣтія до Р. X., опирающаяся на сно-

шенія съ Египтомъ, Сиріей, Малой Азіей, была захвачена дружинами, нагрнувшими съ европейскихъ береговъ Греціи. Греческіе вожди, замѣнившіе старыхъ критянъ, первое время располагали большой силой на морѣ. Вотъ эти носители переходной эпохи и культуры, соединившіе элементы двухъ разныхъ народныхъ группъ, составлявшіе конецъ Древней исторіи Греціи и начало ея Среднихъ вѣковъ, остались въ памяти подъ именемъ Миноса. Имя Миноса считается современными учеными не греческимъ; въ немъ предполагаютъ титулъ старинныхъ критскихъ царей; знаменитое названіе властелина морей могло удержаться въ сказаніяхъ и быть присвоено греками. Вѣдь считала же легенда въ Средніе вѣка Теодориха остготскаго соорудителемъ замка св. Ангела въ Римѣ, предавши забвенію императора Адріана и обративъ его гробницу въ крѣпость.

Итакъ, мы извлекаемъ очень важные выводы изъ самого молчанія первыхъ двухъ греческихъ историковъ. Можно ли слѣдовать за ними дальше въ ихъ попыткахъ реконструкціи старины? Мы видимъ ясно, что ихъ почти единственный источникъ—мны, которые они считаютъ рассказами и воспоминаніями о подлинныхъ дѣлахъ; по своей рационалистической манерѣ они считаютъ лишь необходимымъ превратить поэзію въ прозу и снять съ рассказа фантастическую оболочку. Геродотъ придаетъ, наприм., очень важное значеніе мнѣю объ аргивской царевнѣ Іо, любимой Зевсомъ, превращенной, въ виду преслѣдованій Геры, въ корову, и увезенной въ Египетъ; какъ историкъ, онъ считаетъ себя въ правѣ устранить элементъ превращенія и вмѣшательства боговъ; остается похищеніе греческой дѣвушки морскими пиратами, увезшими ее въ Египетъ, характерный фактъ во взаимныхъ обидахъ и борьбѣ между азіатами и европейцами. Фукидидъ обращается къ извѣстному «каталогу» греческихъ кораблей и войскъ во II пѣснѣ Иліады за статистическими справками: по количеству судовъ, прибывшихъ подъ Трою, принимая во вниманіе ихъ вмѣстимость, онъ вычисляетъ плотность населенія въ тогдашней Греціи.

Конечно, сами приемы изслѣдователей V вѣка кажутся намъ дѣтскими. Но можемъ ли мы отбросить, вмѣстѣ съ наивными толкованіями, источникъ, къ которому прибѣгали Геродотъ и Фукидидъ? Гомеръ въ ихъ глазахъ настоящій свидѣтель старины; онъ почти равенъ древней лѣтописи. Въ какой же мѣрѣ Гомеръ для насъ можетъ служить историческимъ источникомъ? Это значитъ, точнѣе говоря, какому вѣку отвѣчаютъ гомеровскія поэмы? Какъ относятся онѣ по времени къ большой народной катастрофѣ въ предѣлахъ Греціи, далеко ли онѣ отстоятъ отъ разрушенія эгейско-критской культуры? Но вопросы подобнаго рода поднимаютъ еще цѣлый рядъ другихъ: какъ смотрѣть

на гомеровскій эпосъ, составляютъ ли Илиада и Одиссея фантастическіе романы или описанія реальной исторической дѣйствительности, облеченныя лишь въ поэтическую форму? Гдѣ у Гомера кончается фантазія и теологія, и гдѣ начинается историческая хроника? Взятые вмѣстѣ, вопросы эти образуютъ великую спорную проблему о происхожденіи гомеровскаго эпоса.

Гомеровскій вопросъ въ ново-европейской наукѣ до археологическихъ открытій. Въ западно-европейской наукѣ весьма рано, уже съ конца XVII в., стали высказывать сомнѣнія въ существованіи личности Гомера, какъ создателя двухъ поэмъ. Жанбатиста Вико, предшественникъ романтизма и народничества, считалъ Гомера символомъ большой эпохи, обозначеніемъ извѣстной ступени культурнаго развитія. Къ концу XVIII в. Фридрихъ Августъ Вольфъ (въ Prolegomena ad Homerum 1795) выставилъ замѣчательную теорію происхожденія гомеровскаго эпоса, въ силу которой созданіе поэмъ является результатомъ очень продолжительнаго коллективнаго процесса. Согласно теоріи Вольфа, эпосъ не имѣлъ авторовъ въ настоящемъ смыслѣ слова; его цѣльность—фактъ позднѣйшій. Начинается эпосъ съ небольшихъ разрозненныхъ пѣсней, сочинителями которыхъ были гуслеры, аойды. Позднѣйшіе вѣка выдвинули декламаторовъ, рапсодовъ, которые дополнили, разработали мотивы старыхъ пѣвцовъ; между ними могъ быть особый мастеръ дѣла, Гомеръ, давшій направленіе цѣлому поколѣнію Гомеридовъ. Наконецъ, когда поэтическое творчество совсѣмъ прекратилось, появились ученые собиратели и редакторы, которые впервые записали тексты, согласовали варианты и привели все въ систему. Лишь изъ рукъ этихъ кабинетныхъ людей вышли поэмы въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ потомъ сохранялись и стали извѣстны намъ.

Ученая гипотеза гениальнаго филолога была подхвачена романтической школой, которая нашла аналогіи Гомеру въ эпосѣ индусскомъ, въ пѣсняхъ и былинахъ сербовъ, русскихъ, финновъ, кельтовъ, въ средневѣковой поэзіи Франціи и Германіи, подвела всѣ эти произведенія подъ одну рубрику «народной поэзіи» и выработала представленіе о бессознательномъ коллективномъ творчествѣ народа. Романтики отрицали наличность особыхъ художниковъ и поэтовъ въ эпоху натуральной народной жизни. Въ старинной поэзіи не было, по ихъ мнѣнію, ни плана, ни намѣреннаго вымысла, ни искусственной обработки. Гомеровскій эпосъ въ ихъ глазахъ былъ истинной народной поэзіей, родившейся и выросшей органически; Гомеръ не что иное, какъ имя для всего поющаго народа.

Разъ утвердилась мысль, что гомеровскій эпосъ лишень единства и цѣльности, вниманіе ученыхъ направилось на открытіе все новыхъ и

новыхъ несуразностей и противорѣчій въ поэмахъ. Анализъ ихъ преимущественно обращался въ расчлененіе и раздробленіе поэтическихъ картинъ. Гомеръ сталъ казаться безформеннымъ нагроможденіемъ вѣщныхъ спитыхъ, первоначально чуждыхъ другу другу пѣсень объ отдѣльныхъ герояхъ и событіяхъ. Крайностью этого направленія можно считать теорію Лахманна (1835 г.), въ силу которой Илиада и Одиссея составляютъ механическое соединеніе приблизительно 18 пѣсень; каждая пѣснь внесена особой народной группой.

Правда, и въ эпоху преобладанія романтическаго взгляда не переводились сторонники единства эпоса, вѣрившіе въ личнаго Гомера. Но они не могли внести существенной поправки въ оцѣнку содержанія эпоса. И въ ихъ глазахъ Гомеръ былъ также наивнымъ поэтомъ очень ранней эпохи народнаго быта. Историки и филологи въ теченіе почти всего XIX вѣка сходились болѣе или менѣе на томъ, что культура, отраженная въ пѣсняхъ Гомера, весьма близка къ примитивной. Гомеровское общество считали долго классическимъ примѣромъ первобытнаго патріархальнаго состоянія человѣчества. Признаковъ утонченности жизни, развитія богатства, художественнаго ремесла, торговли, придворной жизни, неравенства имуществъ и т. д., во множествѣ разбѣянныхъ въ поэмахъ, какъ бы не замѣчали. Напротивъ, преувеличивали черты грубости понятій и привычекъ, искали во что бы то ни стало указаній на первобытныя формы; напр., одно время усиленно разыскивали у Гомера первоначальную общину, предшествующую развитію индивидуальной собственности.

Такой взглядъ на Гомера находилъ поддержку въ общихъ историческихъ воззрѣніяхъ, господствовавшихъ приблизительно до 70-хъ и 80-хъ годовъ XIX вѣка. Историческіе вѣка жизни человѣчества, казалось, не восходятъ далеко въ глубь временъ. Египетъ и Вавилонъ съ ихъ тысячелѣтней исторіей представлялись какими-то случайно выдѣвшимися курьезами; одновременно съ ними Европа, а, слѣдовательно, и Греція пребывали въ младенчествѣ и еще въ началѣ послѣдняго тысячелѣтія до Р. Х. едва просыпались для слабыхъ культурныхъ заимствованій со стороны, изъ Азіи.

Новые взгляды на Гомера съ конца XIX вѣка. Полный переворотъ въ воззрѣніяхъ произвели открытія, сдѣланныя въ двухъ совершенно различныхъ областяхъ науки, въ археологіи и этнологіи. Сначала археологи, впереди всѣхъ Шлиманъ (съ 1871 г.), были подъ рѣшительнымъ обаяніемъ старой теоріи. Они хотѣли только иллюстрировать великую народную поэму, открыть первобытную греческую старину, воспѣтую Гомеромъ, въ ея вещественныхъ остаткахъ. Однако то, что они открывали на мѣстахъ, наиболѣе прославленныхъ эпосомъ, въ Троѣ, въ Ми-

кенахъ, въ значительной мѣрѣ расходилось съ Гомеромъ. У Гомера умершаго сжигаютъ и на мѣстѣ костра насыпаютъ курганъ. По раскопкамъ видно было, что хоронили безъ сожженія въ землѣ или въ старательно выложенныхъ склепахъ, подобияхъ египетскихъ гробницъ, при чемъ заботились о сохраненіи тѣла, а на лицо клали золотую маску. Какъ ни старались согласовать описанія Гомера съ данными раскопокъ, все болѣе выяснялось, что они относятся къ разнымъ вѣкамъ и разнымъ культурамъ. Позади гомеровской эпохи оказывался цѣлый міръ отношеній, большія царства, отдаленныя торговыя связи. Греки ли были эти предшественники гомеровскихъ героевъ, сидѣвшіе въ Микенахъ, на островахъ Эгейскаго моря и на берегу Малой Азіи во II тысячелѣтіи до Р. Х., или нѣтъ, но о первобытности гомеровскаго общества теперь не могло быть и рѣчи. Если старинные обитатели побережій Эгейскаго моря были другой расы, то греки, ихъ покорители, во всякомъ случаѣ, строились не на дѣвственной землѣ, а въ странѣ давно разработанной. Раскопки Шлимана, Дёрпфельда, Эванса и др. дали неожиданные результаты, опрокинувшіе старыя представленія историковъ. Открылась настоящая, глубокая древняя исторія. Въ отношеніи къ ней Гомеръ оказался очень позднимъ и очень новымъ явленіемъ.

Въ то же время этнологическія наблюденія совершенно разстроили укоренившееся въ наукѣ представленіе о народной поэзіи. Сказки и пѣсни народовъ, стоящихъ на низкой ступени культуры, кратки и сухи по изложенію, характеристики ихъ блѣдны и деревянны, рассказъ полонъ скучныхъ повтореній. Какъ только народъ подымается надъ узкимъ уровнемъ замкнутой первобытной жизни, у него уже замѣтна извѣстнаго рода интеллигенція; появляются пѣвцы, сказочники, сочинители съ извѣстной литературной индивидуальностью. Развитие эпоса вовсе не представляетъ стихійнаго движенія механически примыкающихъ другъ къ другу исполнителей. Поэты, музыканты, декламаторы образуютъ особый разрядъ специалистовъ, у которыхъ слагается своего рода традиція, которые совершенствуютъ свои приемы; въ художественно-поэтической школѣ, изъ среды виртуозовъ и мастеровъ техники могутъ выдаваться гениальные изобрѣтатели, композиторы и романисты. Въ самихъ поэмахъ Гомера есть указанія на выдающееся мастерство иныхъ поэтовъ его времени. Не даромъ онъ никогда не забудетъ называть имя мѣстнаго исполнителя музыкальной декламации: таковъ у феаковъ на о. Схеріи Фемій, на о. Итакѣ слѣпецъ Демодокъ.

Новыя наблюденія надъ ранней поэзіей народовъ сдѣлали опять правдоподобной и возможной личность Гомера. И какъ раньше отыскивали ревностно всякаго рода противорѣчія и нескладицы въ Иліадѣ и

Одиссеѣ, такъ, напротивъ, теперь изслѣдователи стали выдѣлять искусство поэтическаго вымысла, цѣльность и единство выполненія, тонкую выдѣлку ситуаций, характеристикъ и описаній у Гомера. Филологи заняты въ новѣйшее время анализомъ сложной искусной техники поэмъ; все больше отмѣчаютъ они у Гомера элементъ намѣренности, рассчитаннаго эффекта, склонность поэта къ резонерству и рефлексіи, его тонкую психологическую разработку.

Гомеровскій вѣкъ—греческое средневѣковье. Съ 90-хъ годовъ XIX вѣка появляется рядъ ученыхъ работъ въ англійской, нѣмецкой, французской литературѣ, которыя развиваютъ новый взглядъ на Гомера и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ новую характеристику вѣка, среди котораго возникли эпическія поэмы грековъ. Теперь начинаютъ прилагать къ гомеровскому времени названіе греческаго средневѣковья, разумѣя подъ греческой древностью въ собственномъ смыслѣ блестящій и проникнутый восточными вліяніями бытъ эгейско-критской культуры.

Когда впервые появился терминъ «греческое средневѣковье», онъ отмѣтилъ собой большой успѣхъ въ научномъ открытіи греческой старины. Но въ дальнѣйшемъ ходѣ работы онъ сталъ ненуженъ и даже повелъ къ различнымъ недоразумѣніямъ. Европейское средневѣковье вѣдь обнимаетъ десять столѣтій, отъ Хлодвига и Теодориха до открытія Америки; въ предѣлахъ этого огромнаго періода есть и Карлъ Великій, и крестовые походы, и ранній итальянскій ренессансъ; какой же изъ этихъ эпохъ соотвѣтствуетъ гомеровскій вѣкъ?

Одно время было популярно воззрѣніе, въ силу котораго между зарожденіемъ эпоса и его окончательной разработкой и завершеніемъ прошелъ большой срокъ. Въ теченіе этого промежутка событія, отразившіяся въ эпосѣ, забылись, общество, переживавшее ихъ, давно сошло со сцены. Совсѣмъ новые люди въ измѣнившейся обстановкѣ подхватили и расцвѣтили старинные мотивы. На мысль о расхожденіи стараго зерна эпоса, примыкавшаго къ реальному факту, съ позднѣйшей разработанной поэмой наводили какъ будто нѣкоторыя странности у Гомера, нѣкоторая неровность въ нарисованной у него культурной картинѣ. Напр., военныя колесницы, упоминаемыя Гомеромъ, по мнѣнію иныхъ ученыхъ, не могли быть въ ходу одновременно съ боемъ сплоченной фалангой, которая также изображена въ поэмѣ; надо думать, что въ эпоху, когда сочинялись поэмы, воины сражались пѣшие, а слѣд., бой на колесницахъ—какой-то словесный остатокъ старины, воспоминаніе или затвердѣлый оборотъ старой пѣсни, который механически вставленъ въ поэмю.

Особенное вниманіе обращали нѣкоторые изслѣдователи на то, что у Гомера говорится о металлахъ³. Дѣло въ томъ, что въ поэмахъ

замѣтно преобладаніе мѣди и бронзы надъ желѣзомъ. Къ оружію всегдашній эпитетъ—бронзовый (*χαλκεις*). Бронза вообще упоминается разъ въ 10 чаще, чѣмъ желѣзо. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ желѣзо ни разу не названо. Но въ другихъ пѣсняхъ упомянуты желѣзные инструменты; Ахиллъ ставитъ призомъ на играхъ желѣзный дискъ и выхватываетъ выставленную массу металла; кто получить дискъ, у того желѣза хватить на 5 лѣтъ; не придется ему посылать въ городъ за металломъ своего пастуха, да и пахари будутъ обезпечены (предполагается—орудіями). Изъ этого описанія и другихъ мѣстъ видно, что желѣзо очень цѣнится, что оно производитъ особенное впечатлѣніе. Когда поэтъ хочетъ указать на необычайную твердость въ переносномъ смыслѣ, онъ беретъ сравненіе отъ свойствъ желѣза и говоритъ: желѣзное сердце, желѣзныя руки, желѣзное терпѣніе. Желѣзо не получило еще широкаго распространенія; изъ него еще не дѣлаютъ оружія. О немъ говорить, какъ объ интересной новинкѣ, оно занимаетъ воображеніе, тогда какъ о мѣди, бронзѣ не говорятъ особливо; это вещи обыденныя, привычныя, общеизвѣстныя.

Изъ этихъ наблюденій дѣлали слѣдующій выводъ. Упомянутіе желѣза у Гомера показываетъ, что окончательный видъ поэмы получили въ началѣ желѣзнаго вѣка; такъ какъ въ Иліадѣ желѣзо упоминается гораздо рѣже, чѣмъ въ Одиссеѣ, то послѣдняя составлена позже. Упомянутіе мѣди составляетъ слѣдъ старинной формы эпоса. Въ цѣломъ же Гомеръ состоитъ изъ наслоеній: въ немъ отложились послѣдовательныя ступени развитія индустріи и культуры. Если оставаться при опредѣленіи гомеровскаго вѣка, какъ греческаго средневѣковья, то, въ силу изложеннаго взгляда, начало эпоса принадлежитъ времени ранняго средневѣковья; что же касается окончательной выработки поэмы, то это будетъ эпоха поздняго средневѣковья, соотвѣтствующая въ исторіи Западной Европы времени рыцарства и рыцарской поэзіи.

Гомеровскія поэмы—искусственный рыцарскій эпосъ. Приспособляясь къ такому расчлененію Гомера по культурнымъ наслоеніямъ,истики литературы выработали новую теорію происхожденія эпоса. Толчкомъ къ возникновенію эпическихъ пѣсней служитъ обыкновенно крупная историческая битва, осада, катастрофа. Такова у сербовъ Косова битва, у германцевъ—большія столкновенія племенъ и борьба съ Римомъ въ V вѣкѣ, въ древней Руси борьба со степью, сосредоточивающаяся около Кіева; такова для греческаго эпоса была Троянская война. Около такихъ драматическихъ центровъ начинаются слагаться и кружить пѣсни, которыя разрабатываютъ эпизоды героическаго кризиса, дѣла отдѣльныхъ участниковъ. Самая старинная форма исполненія былины изображена въ IX вѣснѣ Иліады: Ахиллъ въ ставкѣ

поеть, аккомпанируя себѣ, а Патроклъ сидитъ молча напротивъ и ждетъ очереди, чтобы продолжать ⁴. Такъ приблизительно исполняются пѣсни у современныхъ средне-азиатскихъ народовъ. Позднѣе былины слагаютъ и исполняютъ особые поэты по ремеслу, которыхъ Гомеръ не разъ изобразилъ въ поэмахъ; они поютъ большею частью на пирахъ у царей и у знати, но также мастеръ пѣнія появляется на большомъ праздникѣ среди народнаго хоровода (въ XVIII пѣснѣ, въ циклѣ картинъ на щитѣ Ахилла).

Старинные пѣвцы не шли далѣе разработки отдѣльныхъ моментовъ и эпизодовъ; извѣстныя данныя темы они вливали въ формы нѣкотораго условнаго языка. Разъ сложившіяся пѣсни застываютъ въ опредѣленныхъ формахъ и воспроизводятся потомъ механически съ сохраненіемъ непонятныхъ, часто старинныхъ, выраженій. Въ такомъ видѣ пѣсни могутъ держаться очень долго, какъ это было у русскихъ и у финновъ; онѣ могутъ вымереть совсѣмъ. Но онѣ могутъ послужить также основой для позднѣйшаго новаго творчества. Пройдетъ нѣсколько вѣковъ и въ другой географической и культурной средѣ крупный поэтъ съ яркой индивидуальностью возьмется за общую обработку большого состава сюжетовъ, которые были до тѣхъ поръ раздроблены во множествѣ отдѣльныхъ старинныхъ пѣсень. Таково въ Германіи происхожденіе поэмы о Нибелунгахъ. Въ поэмахъ упоминаются фигуры и событія V вѣка, бургунды, Атила, Теодорихъ остготскій, отражается бурная эпоха передвиженій. Тогда же, вскорѣ послѣ событій, возникли прославляющія ихъ пѣсни. Но большая связанная поэма сложилась 7 вѣковъ спустя, въ XII вѣкѣ, ея авторъ, выдающійся поэтъ, хотя и неизвѣстный намъ по имени, воспользовался старинными пѣснями, какъ матеріаломъ, и сочинилъ крупную цѣльную вещь по оригинальному собственному плану. Въ поэмѣ рыцарской эпохи инкрустированы, благодаря этому, подлинныя старинныя куски, формы древняго языка, обороты отжитой поэзіи. Таковъ въ силу изложенной теоріи и греческій Гомеръ, подлинный поэтъ, великій мастеръ эпохи искусственнаго творчества, далеко по времени отстоящій отъ изображенныхъ имъ событій ⁵.

Нѣкоторые ученые идутъ въ этомъ направленіи еще далѣе, вдвигаютъ Гомера въ историческую эпоху, въ періодъ колонизаціи, близко къ достовѣрнымъ историческимъ фигурамъ Фалеса, Драконта и Солона. Они думаютъ, что поэтъ имѣлъ передъ собой весьма просвѣщенную аудиторію, нѣчто похожее на читателей рыцарскихъ романовъ въ Европѣ XV вѣка; общество, для котораго сочинялись поэмы, отличалось тонко развитымъ чутьемъ; оно уже было слегка затронуто скептицизмомъ, привыкло къ хитрому поэтическому изобрѣтенію, къ манерному языку. Поэты, приспособляясь къ его вкусамъ, старательно полировали

и выработывали стиль, очень далекий от живого разговорного языка; въ содержаніи было также много искусственности.

На одномъ примѣрѣ особенно наглядно выступаетъ различіе стараго и новаго взглядовъ на Гомера. Прежде, та сцена въ Одиссеѣ, гдѣ царица Навзикая моетъ со служанками бѣлье, считалась за наивное изображеніе патріархальныхъ порядковъ старины. По мнѣнію современнаго намъ ученаго, здѣсь надо видѣть вовсе не реальную картинку быта, а сентиментальную пастораль на манеръ изображаемыхъ въ новѣстяхъ XVII вѣка принцессъ, пасущихъ овецъ⁶.

Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся въ ученыхъ теоріяхъ о гомеровскомъ эпосѣ съ крайностью, противоположной романтическому взгляду на Гомера, какъ продуктъ народнаго творчества. Въ крайности этой есть свои ошибки, и не такъ ужъ безусловно неправы были прежніе толкователи Гомера. Въ самомъ дѣлѣ, если бы поэмы дѣйствительно представляли столь оранжерейное творчество, какъ могли бы онѣ приобрести такую популярность именно въ народной средѣ европейской Греціи? Какъ могла бы декламация Гомера сдѣлаться важной составной частью великаго праздника Панаѣиной? По всему видно, что Гомеръ близокъ къ той средѣ, которую онъ изображаетъ. Нельзя отодвигать сочиненіе поэмъ на такой поздній срокъ, какъ VII вѣкъ до Р. X.; это время, когда начинается городская жизнь, выдвигаются торговые и индустріальные классы, общины управляются выборными, часто смѣняющимися, сановниками, между тѣмъ какъ у Гомера на первомъ мѣстѣ воинственная, подвижная аристократія, и во главѣ свитѣ и дружинѣ наследственные вожди. Мірѣ, изображенный Гомеромъ, не можетъ быть выдуманымъ; должна быть гораздо болѣе тѣсная связь между поэтическими картинами и дѣйствительностью. Гомеръ и его герои скорѣе всего принадлежать одному и тому же вѣку.

Гомеръ—современникъ и пѣвецъ героическаго вѣка. Въ изслѣдованіяхъ о происхожденіи греческаго эпоса всегда большую роль играли сравненія съ эпическими произведеніями другихъ временъ и народовъ. Но, конечно, успѣшность въ проведеніи аналогіи зависѣла отъ умѣнія найти соотвѣтствующій уровень или моментъ въ развитіи поэзіи. Рыцарская поэзія эпохи крестовыхъ походовъ явно не подходитъ для сравненія съ греческимъ эпосомъ. Больше, повидимому, способно дать сравненіе гомеровскихъ поэмъ съ ранними германскими пѣснями и стихотворными сказаніями VII—VIII вв. по Р. X.⁷ Въ содержаніи того и другого цикла есть несомнѣнное сходство: и тамъ, и здѣсь изображаются приключенія смѣлыхъ людей, «героевъ», необузданныхъ и капризныхъ характеровъ на фонѣ большихъ народныхъ столкновеній; той и другой поэзіи свойственна примѣсь фантастическаго элемента

съ мало почтительнымъ отношеніемъ къ богамъ. Можно допустить, что та и другая возникли при сходныхъ обстоятельствахъ. Къ сожалѣнію, греческія поэмы стоятъ совершенно одинокимъ источникомъ эпохи; нѣтъ никакой возможности провѣрить историческую дѣйствительность тѣхъ событій и лицъ, о которыхъ онѣ передаютъ, другими параллельными изображеніями. Такая возможность имѣется для германской поэзіи, какъ отчасти, хотя въ меньшей степени, она есть и для русскихъ былинь.

Сюжеты германскихъ эпическихъ пѣсенъ относятся больше всего къ южнымъ племенамъ, остготамъ, лангобардамъ, бургундамъ, которыя выступали въ V—VI столѣтіяхъ. Въ поэзіи мелькаютъ имена, напоминающія знаменитыхъ германскихъ вождей эпохи передвиженій. О тѣхъ же самыхъ событіяхъ рассказываютъ посторонніе свидѣтели, писатели римскіе и византійскіе. Въ ихъ, хотя прозаической, передачѣ, сухой, трезвой и незаинтересованной, есть все-таки много драматическихъ элементовъ, и намъ вполне понятно, что они могли дать основу для героической поэзіи. Та же героическая основа чувствуется въ русской начальной лѣтописи; съ другой стороны, въ былинахъ появляются историческія фигуры—князь Владиміръ, Добрыня, Вольга (Олеѣ?). Отсюда видно, что событія, о которыхъ повѣствуютъ пѣвцы, въ существѣ своемъ подлинныя, а не фантастичныя; они отстоятъ не очень далеко отъ времени окончательной обработки героическихъ сюжетовъ въ поэзіи. Германскія эпическія пѣсни сохранились въ томъ видѣ, какой онѣ получили въ VII—VIII вв., т.-е. одно, два, самое большее 2¹/₂ столѣтія спустя послѣ подвиговъ и жизни людей, которыхъ онѣ прославляютъ.

Въ пѣсняхъ вѣроятно чувствуется то самое настроеніе, которое проникало людей бурнаго драматическаго вѣка. Надо думать, что уже въ ту пору, когда дѣйствовали герои, имѣлись пѣвцы, слагавшіе о нихъ былины; эти артисты пѣли въ обстановкѣ дружиннаго двора. Бродячая воинственная жизнь выдвигала среди племенъ вождей, окружавшихъ себя свитами удалцовъ. Во главѣ дружины вождь совершалъ предпріятія, набѣги и крупныя грабежи, увеличивалъ свои богатства и запасы оружія; такимъ путемъ онъ создавалъ впервые сильную, хотя и не очень прочную монархическую власть. Король держалъ блестящій, шумный дворъ, къ числу развлеченій котораго принадлежали и музыкальныя декламаціи героическихъ пѣсенъ. Можно далѣе думать, что уже при дворахъ самихъ воителей, бывшихъ главными участниками драматическихъ приключеній, поэты подобрали и закрѣпили любимыя сюжеты и популярныя фигуры героевъ. Пѣсни распространялись отсюда дальше и были занесены странствующими сказителями къ дру-

гимъ дружиннымъ вождямъ, жившимъ въ обстановкѣ похожей; оттого онѣ встрѣчаются въ другой географической средѣ, далеко отъ ихъ первоначальной родины. Но онѣ сохраняютъ еще на себѣ все отбѣнки интересовъ и вкусовъ, которые господствовали при ихъ возникновеніи. Въ нихъ та же манера, тѣ же фантастическія вставки, тотъ же условный языкъ, можетъ быть, тотъ же размѣръ. Надо думать, что ихъ окончательная редакція, въ которой онѣ до насъ дошли, очень похожа на ихъ первоначальный видъ. Есть вставки, есть нѣкоторыя измѣненія и дополненія, но все это незначительно. Въ героическомъ эпосѣ не зачѣмъ искать особыхъ наслоеній, или ступеней культуры. Онѣ очень цѣлѣны и по содержанію, и по тону, и даже въ подробностяхъ.

Между бытомъ германскихъ героевъ и жизнью грековъ, отраженной у Гомера, много соприкосновеній: тѣ же передвиженія племенъ, та же беспокойная удалая жизнь, такія же дружины и пѣвцы на пирахъ, прославляющіе вождей. Аналогичныя картины у того и другого народа взаимно подкрѣпляютъ другъ друга и позволяютъ возстановить особую группу социальныхъ отношеній или особую форму культуры, къ которой весьма подходитъ названіе «героическаго вѣка». Гомеровскія поэмы такъ же, какъ германскія пѣсни VII—VIII вв., возникли среди самого героическаго вѣка; онѣ недалеко отстоятъ отъ событій и проникнуты тѣмъ же духомъ. Прежніе изслѣдователи все отыскивали въ Гомерѣ противорѣчія и объясняли ихъ тѣмъ, что Гомеръ имѣлъ въ рукахъ старый матеріалъ. Но если присмотрѣться внимательнѣе, то картины покажутся однородными по тону. Поэтъ рисуетъ только то, что онѣ видитъ передъ собой; чуждые старинные, непонятные куски ему не приходится вставлять. На поэмахъ вовсе не отразилась никакая-либо эволюція. Напротивъ, онѣ—зеркало понятій и отношеній цѣльнаго въ себѣ героическаго вѣка.

Въ свое время важнымъ доказательствомъ въ пользу того, что Гомеръ составилъ изъ старыхъ и новыхъ кусковъ, считали совмѣщеніе въ поэмахъ бронзы и желѣза, двухъ металловъ, характеризующихъ два разные вѣка. Новыхъ изслѣдователей нисколько не смущаетъ это обстоятельство. Отчего бы не представить себѣ, что передъ Гомеромъ дѣйствительно была среда, которая примѣняла и тотъ, и другой металлъ, бронзу гораздо болѣе, въ особенности въ оружіи, желѣзо, какъ новинку, гораздо менѣе, при чемъ оно обрабатывалось, главнымъ образомъ, въ видѣ орудіи.

Историческая основа гомеровскихъ поэмъ. Нѣкоторые ученые готовы признать, что позади поэмъ вырисовывается подлинный историческій фонъ, что была настоящая троянская война, и притомъ въ крупныхъ размѣрахъ. Царь микенскій Агамемнонь, со своимъ братомъ

спартанскимъ Менелаемъ, собрали своихъ союзниковъ и вассаловъ и двинулся большой экспедиціей на крупнѣйшаго властителя малоазійскаго побережья, царя троянскаго. Пріама, вокругъ котораго также собрались его подручные. Такую же реальную оцѣнку придаютъ политико-географическимъ указаніямъ Гомера; пытаются даже набросать карту феодальной имперіи Агамемнона, охватывавшей большую часть Пелопоннеса и нѣкоторыя области восточной окраины средней и сѣверной Греціи. Между прочимъ ссылаются на необыкновенную точность географическихъ описаній Гомера: Троянскую долину съ ея быстрыми потоками могъ изобразить лишь человекъ, хорошо ее наблюдавшій; это умѣніе возсоздать мѣстность, эта выдержанность обстановки, казалось бы, тоже говорить въ пользу подлинности событій, которыя въ нее помѣщены.

Но можно привести и возраженія. Такъ, напр., трудно допустить, чтобы Микены, при своемъ положеніи въ узкой долинѣ, дѣйствительно способны были играть центральную роль въ Греціи; поэтому предводительство микенскаго царя въ общегреческомъ ополченіи, пожалуй, не что иное, какъ сказочный оборотъ. Поэмы вообще не лѣтописи, въ нихъ есть элементъ вымысла, намѣреннаго преувеличенія; весьма легко совершаются поэтомъ различныя перемѣщенія. На примѣрахъ германскаго эпоса видно, до какой степени расплываются въ пѣсняхъ очертанія подлинныхъ происшествій, какъ они переносятся въ другую географическую среду или за облака фантазіи, какъ подставляютъ къ подвигамъ извѣстнаго героя другія имена и т. п. Наконецъ, надо имѣть въ виду, что эпосъ, хотя бы исходилъ отъ великихъ историческихъ событій, однако, въ качествѣ художественнаго произведенія, примыкаетъ къ извѣстнаго рода образцамъ идеальнаго типа, которые часто доставляются вліяніемъ чужихъ литературъ.

Греческая поэзія полна заимствованныхъ съ Востока мотивовъ. Между прочимъ, въ вавилонскомъ эпосѣ есть такой эпизодъ. Крѣпкій городъ, гдѣ сидитъ красавица-богиня, осаждается двумя героями-друзьями, изъ которыхъ одинъ трагически гибнетъ, а другой, охваченный безысходнымъ горемъ, спѣшитъ за нимъ въ преисподнюю. Этотъ поэтический сюжетъ, повидимому, извѣстенъ Гомеру и своеобразно истолкованъ имъ. Можетъ быть, въ первоначальномъ сказаніи изображались лишь бои двухъ воинствъ, безъ мотива осады города; стоитъ кстати замѣтить, что укрѣпленія Трои не играютъ никакой роли въ сраженіяхъ; городъ служитъ троянцамъ такимъ же лагеремъ, какъ грекамъ ихъ стоянка на берегу моря. Возможно поэтому, что мотивъ осады Трои введенъ самимъ поэтомъ для того, чтобы связать мифъ о похищеніи красавицы Елены съ рассказами о бояхъ двухъ великихъ во-

инствъ; по вавилонскому образцу онъ вставилъ городъ, въ который и помѣстилъ Елену. Имя Трои могло быть выбрано потому, что это былъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ городовъ старины. Любопытно, что существовалъ и другой вариантъ сказанія, по которому Елена не попала въ Трою: Парису боги дали увести только тѣнь волшебной женщины, сама же Елена оставалась все время осады въ Египтѣ.

Съ другой стороны, точность географическихъ описаній не есть свидѣтельство подлинности событій; разъ по какимъ-нибудь причинамъ въ пѣсни введена была Троя, Микены, Итака, поэты могли потомъ заняться разрисовкой упоминаемой мѣстности для того, чтобы придать своему разсказу больше правдоподобности.

Иными словами, могло вовсе не быть ни осады Трои, ни экспедиціи микенскаго царя, ни первенства въ бояхъ ессалійскаго героя (Ахилла). Имена всѣхъ участниковъ войны могли быть совершенно иныя (отмѣчаютъ, между прочимъ, что Одиссей—совсѣмъ не греческое имя). И тѣмъ не менѣе историческая основа поэтическаго разсказа существуетъ. Не надо только настаивать на буквѣ дѣла. Описанные въ Иліадѣ бои, можетъ быть, лишь концентрація въ одномъ мѣстѣ и на опредѣленномъ моментѣ продолжительныхъ и послѣдовательныхъ нападеній греческихъ дружинъ на малоазійскій берегъ, въ результатъ которыхъ здѣсь возникли эолійскія и іонійскія колоніи. Традиція упорно выводитъ Гомера изъ Іоніи; языкъ поэмъ ближе всего къ іонійскому нарѣчію. Очень правдоподобно, что онѣ возникли именно тутъ, въ самомъ жгучемъ мѣстѣ греческой колонизаціи. Занятіе береговъ Малой Азіи и прилегающихъ къ ней острововъ совершалось натисками отдѣльныхъ дружинъ и вождей; оно едва ли носило характеръ большой общей экспедиціи съ центральнымъ руководствомъ. Въ этомъ смыслѣ въ Иліадѣ есть очень реальныя указанія. Агамемнонъ, въ сущности,—типъ слабого «лѣнливаго» короля. Онъ почти нигдѣ не выступаетъ главнокомандующимъ. Центральный эпизодъ поэмы—непослушаніе Ахилла, одного изъ подчиненныхъ вождей. Помимо этого случая формальнаго отказа участвовать въ общемъ дѣлѣ, отдѣльные вожди нисколько не стѣсняются вести самостоятельныя набѣги. Передъ нами быть разрозненныхъ дружинъ, подобныхъ норманскимъ викингамъ и ихъ свитамъ.

Воинственная аристократія, завладѣвшая берегами Малой Азіи, т.-е. основатели Милета, Фокеи, Хиоса и др., и была, повидимому, той средой, которая дала толчокъ образованію эпоса. Воители группировались около вождей, особенно искусныхъ и счастливыхъ. Общество это составилось изъ отважныхъ, бывалыхъ моряковъ, оторвавшихся отъ патріархальной почвы, въ значительной мѣрѣ свободныхъ отъ предрассудковъ родины; при маленькихъ дворахъ господствовали развитые, тре-

бывательные вкусы; герои и ихъ товарищи желали наслаждаться обстоятельнымъ разсказомъ, искусно составленнымъ романомъ о своихъ подвигахъ. На нихъ работала особая, тоже очень подвижная, интеллигентная группа артистовъ, пѣвцовъ и поэтовъ. Въ картинѣ дружиннаго двора пѣвецъ не забываетъ изобразить и себя. Вотъ какъ Одиссея разсказываетъ о появленіи виртуоза. Во дворцѣ Алкиноя вѣстникъ, т.-е. церемоніймейстеръ, вводитъ на торжественный пиръ «чтимаго въ народѣ» поэта Демодока и сажаетъ его на видное мѣсто среди гостей. Выступаетъ почетный гость, Одиссей, и въ выраженіяхъ, обличающихъ знатока этикета, произноситъ поэту цѣлый панегирикъ, говоритъ о божественномъ вдохновеніи, которое выпадаетъ на его долю, и горячо хвалитъ его за вѣрность поэтическаго изображенія: «ты такъ художественно разсказываешь про дѣла, приключенія и страданія ахейцевъ, точно ты самъ былъ съ ними или слышалъ отъ очевидца»⁸. Это мѣсто любопытно еще въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, въ какой мѣрѣ близко къ событіямъ стояли авторы эпическихъ пѣсенъ и разсказовъ.

Хронологія героическаго вѣка. Мы видѣли, что позже 700 года до Р. Х. нельзя сдвигать Гомера. Въ VII в. поднимаются купеческіе и ремесленные круги, начинаетъ организоваться крестьянство, и аристократія вынуждена вступить въ борьбу съ этими новыми силами. У Гомера же мы находимъ героевъ и ихъ свиты въ полномъ обладаніи власти и богатства. Но по многимъ основаніямъ, которыя уже были указаны, неудобно также относить поэмы значительно раньше указаннаго срока. Восьмое столѣтіе до Р. Х. (800—700 гг.), пожалуй, вѣрнѣе всего считать эпохой творчества Гомера. Если далѣе согласиться съ тѣмъ взглядомъ, что Гомеръ не очень далеко отстоитъ отъ событій, которыя послужили толчкомъ къ возникновенію эпоса, и если признавать самого Гомера младшимъ современникомъ героическаго вѣка, то на весь этотъ вѣкъ можно отнести два, или два съ половиной столѣтія. Слѣдовательно, троянскую войну, или группу событій, которыя были собраны подъ такимъ объединяющимъ историческимъ символомъ, мы рѣшаемся отнести приблизительно къ 950 или 1000 гг. до Р. Х. Такимъ образомъ, героическій вѣкъ въ Греціи начинается одновременно съ возвышеніемъ Израильскаго царства при Давидѣ и Соломонѣ, а его процвѣтаніе, IX столѣтіе (900—800 гг.), совпадаетъ съ возвышеніемъ Ассиріи въ эпоху такъ наз. третьяго великаго царства, открывающагося именемъ грознаго собирателя желѣза, Ассурназирпала.

Общественное устройство по Гомеру. Греческій эпосъ представляетъ обильный матеріалъ для характеристики общественнаго устройства. Нужно только дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, куда, въ какую об-

становку относятся отдѣльныя черты быта, какія изъ нихъ отличаются болѣе общимъ характеромъ и какія носятъ мѣстный, специальный отпечатокъ. Вообще говоря, Одиссея отмѣчена болѣе консервативнымъ характеромъ, скорѣе отражаетъ порядки родины, европейской Греціи. Илиада открываетъ по преимуществу черты новой жизни и отчасти новыхъ воззрѣній, рисуетъ военное общество, подвижное, отдѣлившееся отъ старыхъ насиженныхъ мѣстъ. Иное у Гомера имѣетъ отношеніе только къ колоніямъ, къ малоазійской военной и торговой аристократіи, другое—къ большинству областей европейской Греціи, еще не вышедшихъ изъ патріархальнаго быта. Иногда составитель поэмы своеобразно тонко отмѣняетъ различіе между чертами архаическими и новаторскими.

Старинная группировка общества. Въ Илиадѣ есть два любопытныхъ мѣста, указывающихъ на старинное дѣленіе народа по филамъ и фратріямъ. Оба раза характерныя обозначенія встрѣчаются въ рѣчахъ патріархальнаго басилея, старика Нестора; влагая въ уста этому хранителю традицій названія старыхъ союзовъ, авторъ хочетъ указать на ихъ архаичность. Въ одномъ случаѣ старѣйшій вождь старается внушить общему начальнику Агамемнону, что для энергическаго нападенія на троянцевъ, для взятія ихъ города силой, надо распредѣлить греческое войско по филамъ и фратріямъ (*κατὰ φύλα καὶ κατὰ φρήτρας*), чтобы каждая фратрія помогала другимъ фратріямъ, а филы—филамъ. «Если ты сдѣлаешь такъ, и тебя послушаются ахейцы, ты узнаешь потомъ въ битвѣ, кто трусливъ и кто мужественъ изъ вождей и рядовыхъ, потому что они будутъ биться каждый въ своей средѣ»⁹. По мнѣнію Нестора, такъ лучше всего размѣститъ воиновъ, ради ихъ одушевленія. Старикъ, повидимому, приглашаетъ къ группировкѣ, наиболѣе привычной въ мирное время; онъ думаетъ, что и тактически всего выгоднѣе воспроизвести на полѣ битвы существующіе общественные союзы.

Болѣе тѣсный изъ этихъ союзовъ, фратрію, тотъ же Несторъ рисуетъ намъ съ другой стороны. Послѣ неудачной битвы съ троянцами, отогнавшими грековъ въ лагерь, вожди сходятся на совѣщаніе; они готовы послѣдовать предложенію Агамемнона и бѣжать на корабляхъ домой, но Несторъ совѣтуетъ отправить посольство къ Ахиллу и просить его принять участіе въ бою. Такъ какъ предложеніе очень рискованно, и старый басилей къ тому же противорѣчитъ главному вождю, онъ говоритъ торжественно: «Я скажу рѣчь до конца откровенно и прямо, и никто не осудитъ меня. Вѣдь только тотъ, кто совѣмъ одичалъ, кто внѣ фратріи, внѣ законовъ, безъ очага (*ἀφρήτωρ, ἀθέμιτος, ἀνέστιος*), можетъ любить братоубійственную войну»¹⁰. Сопоставленіе трехъ понятій въ данномъ случаѣ очень интересно. Кто не состоитъ въ

союзъ фратріи, тотъ—внѣ права, не имѣетъ охраны, онъ—волкъ, котораго всякій можетъ убить; у него нѣтъ очага, онъ не имѣетъ осѣдлости, не можетъ жить среди людей. Въ характеристикѣ Нестора сильно звучитъ нравственное осужденіе: человѣкъ, не принятый во фратрію, выключенный изъ нея или не захотѣвшій въ нее войти,—врагъ общества, у него не можетъ быть и совѣсти, нѣтъ чувства правды, онъ не можетъ признавать ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ.

Одиссея выдерживаетъ тотъ же тонъ, что Иліада, по отношенію къ старику Нестору, и мы получаемъ картину идиллическаго стариннаго быта въ маленькомъ «царствѣ» его на родинѣ. Телемахъ со своимъ наставникомъ Менторомъ пріѣзжаетъ въ Пилосъ, гдѣ правитъ Несторъ съ сыновьями. На самомъ берегу гости застаютъ большой публичный народный обѣдъ. Стоять девять рядовъ скамей. Въ каждомъ ряду сидятъ по 500 человѣкъ, и передъ каждымъ рядомъ лежатъ 9 зарѣзанныхъ быковъ. Это—жертва и пиръ одновременно: бедра сожигаютъ въ честь морского бога, внутренности вкушаютъ люди. Среди собранія (*ἀγυρίς*) пріѣзжіе находятъ стараго царя съ сыновьями; ихъ приближенные (*ἐταῖροι*) готовятъ для нихъ ѣду, жарятъ мясо и втыкаютъ на вертела. Царская семья устремляется навстрѣчу гостямъ и сажаетъ ихъ съ собою. Повидимому, собрался весь народъ общины, есть что-то патриархальное въ этомъ собраніи, гдѣ всѣ одинаково участвуютъ, и вождь сидитъ вмѣстѣ съ простыми людьми ¹¹.

Здѣсь не сказано, правда, что народъ распределенъ по фратріямъ, но группы, обозначенныя рядами пирующихъ, похожи на позднѣйшія фратріи въ Афинахъ. Каждая скамья, занятая 500 сотрапезниковъ, образуетъ какъ бы особое жертвенное отдѣленіе или товарищество среди большого, приносящаго жертву и пирующаго общества. Точно такъ же каждая изъ афинскихъ фратрій образуетъ особый религиозный союзъ, имѣетъ свой жертвенный очагъ, а всѣ онѣ вмѣстѣ почитаютъ общихъ боговъ: Зевса Фратрія и Аѣину Фратрію, и собираются осенью на общій праздникъ всѣхъ союзовъ, такъ наз. Апатуріи.

Давать общественные обѣды и участвовать въ нихъ составляетъ обязанность царя и является оплатой за приношенія общины. По этому поводу въ Одиссеѣ есть такая характеристика. Одиссей вызываетъ тѣни умершихъ изъ преисподней; когда выходитъ его мать, онъ спрашиваетъ, не расхищено ли его царское достояніе, сохранилось ли оно въ рукахъ сына Телемаха. Призракъ отвѣчаетъ: «никто не завладѣлъ твоимъ достояніемъ. Телемахъ безпрятственно пользуется доходомъ съ царской земли (*τέμενος*), участвуя въ общихъ всенародныхъ обѣдахъ, какъ и слѣдуетъ лицу, облеченному высокимъ саномъ судьи; да и его всѣ приглашаютъ» ¹². Тутъ видна взаимность. *Τέμενος*—это

земля, которую базилею выдаетъ народъ; доходъ съ этой земли идетъ частью на общественную цѣль; вмѣстѣ съ тѣмъ народъ требуетъ, чтобы базилей спускался въ его среду, участвовалъ въ общихъ пиршествахъ.

Новая военная организація. Совѣтъ иной характеръ носить организація греческаго общества въ Илиадѣ; иначе построена здѣсь и политическая власть.

Совѣтъ, поданный Несторомъ Агамемнону, не имѣетъ, повидимому, успѣха: не видно, чтобы войско ахейцевъ разставили по филамъ и фратріямъ, по классамъ и религіознымъ союзамъ; вообще о подобномъ распредѣленіи на войнѣ нигдѣ не упоминается. Племенные, религіозныя и мѣстныя связи не имѣютъ значенія въ гомеровскомъ войскѣ. Мирмидоны, народъ, подчиненный Ахиллу, прибыли подъ Трою на 50 корабляхъ по 50 человекъ, они распредѣлены между пятью второстепенными вождями (*ἡγήτορες ἤδ' ἐ μέδοντες*)¹³. Простые воины, какъ видно здѣсь, раздѣлены вѣдшимъ арифметическимъ образомъ; батальоны мирмидонскаго полка и экипажъ его кораблей имѣютъ, вѣроятно, мало общаго съ домашней группировкой того же племени. Съ другой стороны, очень ясно вырисовывается вокругъ каждаго вождя его свита, или дружина; она построена на личныхъ отношеніяхъ. Дружинники носятъ разныя названія, то болѣе, то менѣе почетныя: или друзей, братьевъ, близкихъ (*ἔται, κασίγητοι, ἑταῖροι, ἀνεψιοί*), или боевыхъ слугъ (*θεράποντες*). Эти товарищи, оруженосцы и т. д. снимаютъ съ убитаго врага доспѣхи, уводятъ захваченныхъ коней, устраиваютъ приемъ гостей, выходятъ навстрѣчу побѣдителю. Они образуютъ постоянный дворъ вождя, стерегутъ его домъ; онъ дѣлится съ ними добычей, совѣтуется, ищетъ у нихъ поддержки. Разряду *θεράποντες*, вассаловъ, отвѣчаетъ наверху составъ *ἄρχητες*, сеньеровъ.

Группировка эта основана на отношеніяхъ частнопрового характера, на личныхъ связяхъ, которыя вырываютъ людей изъ среды домашнихъ организацій, тѣхъ религіозныхъ союзовъ и даже тѣхъ племенныхъ рамокъ, въ которыхъ они выросли. Вассалъ можетъ оказаться въ рядахъ, враждебныхъ тому племени, къ которому онъ принадлежитъ. Сильнѣйшими мотивами, которые привязываютъ дружинниковъ къ вождю, являются преданность ему, вѣра въ его счастливую звѣзду, иногда желаніе отомстить за какую-нибудь обиду. Примѣромъ воина, отбившагося отъ роднаго племени, выросшаго при чуждомъ дворѣ и связаннаго исключительно личными узами съ вождемъ, можетъ служить Патроклъ при Ахиллѣ. Мы встрѣчаемся у Гомера съ техническими терминами, служащими для обозначенія дружинной или вассальной зависимости. Напр., есть выраженіе «слѣдовать» (*ἑπεσθαι*)¹⁴, которое обо-

значаетъ обязанность итти на войну по зову сеньера. Повинность эта имѣетъ свою матеріальную цѣну. Отъ нея можно откупиться: Агамемнонъ получилъ отъ одного изъ своихъ вассаловъ кобылу въ видѣ выкупа за его отказъ итти подѣ Трою¹⁵. Иной вассалъ боится отказать главному сеньеру въ повиновеніи: придется заплатить тяжелый штрафъ (для такой уплаты за произвольное уклоненіе отъ службы есть также техническій терминъ—*θωή*)¹⁶. Покровительство со стороны сеньера—жизненный вопросъ для вассала. Могущественный сеньеръ можетъ много сдѣлать: Менелай желалъ бы имѣть Одиссея своимъ вассаломъ; онъ готовъ согнать очень многихъ съ ихъ мѣстъ для того, чтобы надѣлать Одиссея пожалованной землей¹⁷. Можно различить два разряда вассаловъ: одни состоятъ при дворѣ, составляютъ непосредственную свиту сеньера, другіе размѣщены по укрѣпленнымъ замкамъ.

Многое въ быту и понятіяхъ напоминаетъ раннее европейское средневѣковье. На первомъ планѣ очень подвижныя, воинственныя группы общества. Ярко сказывается всюду право сильного, кулачное право. Самое обычное явленіе у Гомера—усобица, наѣздъ, не вызванный, по видимому, ничѣмъ другимъ, кромѣ жадности и удалства: какая-нибудь дружина или шайка угоняетъ у сосѣдняго города или поселка скотъ или высаживается внезапно на чужомъ берегу, похищаетъ людей, чтобы получить за нихъ выкупъ или привести домой въ качествѣ рабовъ. «Все можно взять грабежомъ—говоритъ Ахиллъ—быковъ, тучныхъ овецъ, металлическіе котлы и коней съ золотистой гривой»¹⁸.

Между вождями постоянно личные счеты, рѣшаются вопросы чести. Въ свое время тѣ критики Гомера, которые находили его картины лишенными реальности, ссылались между прочимъ на мелочность завязки троянской войны: не могли же народы вести такую ожесточенную борьбу изъ-за похищенія Елены однимъ изъ троянскихъ принцевъ. Но если имѣть въ виду характеръ этой сеньеріальной эпохи, то мотивъ, изъ-за котораго греческое воинство прибыло подѣ Трою, окажется вовсе уже не столь фантастичнымъ. Изъ-за такихъ и подобныхъ оскорбленій семейной чести предводитель дѣйствительно способенъ былъ двинуть все свое воинство, тѣмъ болѣе, что за принцессой обыкновенно числилось не малое приданое. Не фантастичны также единоборства вождей, не разъ изображенныя у Гомера, поединки, въ результатъ которыхъ одна изъ воюющихъ сторонъ должна отступить или сдаться, или выплатить контрибуцію. Опять мотивъ взятъ изъ реальной жизни: отъ судьбы предводителя зависѣлъ исходъ всего предпріятія; главной цѣлью похода было взять въ плѣнъ вождя или убить его; въ первомъ случаѣ

можно было ждаты большой выгоды отъ выкупа плѣннаго со стороны его близкихъ.

Отмѣтимъ еще черту воинственнаго героическаго вѣка: главное самое почетное владѣніе и богатство—металлы, особенно оружіе. «Мѣдью набиты палатки твои», говоритъ Өерситъ Агамемнону, желая указать на необычайное богатство главнаго вождя. Поразительна та жадность и стремительность, съ которой побѣдитель и его присные бросаются на оружіе павшаго въ бою, обираютъ его и уносятъ къ себѣ.

Грабежи, усобицы, военныя предпріятія ведутъ къ большимъ перемѣнамъ и катастрофамъ въ имущественномъ положеніи. Одни быстро разоряются, другіе быстро богатѣютъ. Одни теряютъ свободу, отрываються отъ своего мѣста и поневолѣ уходятъ бездомными рабами, другіе расширяютъ свой домъ и владѣніе, окружаютъ себя множествомъ слугъ, дворни, разныхъ зависимыхъ и обязанныхъ людей. Герой Одиссеи, нагруженный огромной добычей изъ-подъ Трои, сопровождаемый множествомъ товарищей и слугъ, теряетъ все и пріѣзжаетъ домой нищимъ. Эта превратность судьбы—чуть ли не главный мотивъ поэмы. Большая необезпеченность существованія и большое имущественное неравенство—характерныя результаты непрерывнаго военнаго положенія, эпохи феодальныхъ усобицъ.

Характеристика аристократіи у Гомера. При всѣхъ колебаніяхъ судьбы есть извѣстный слой людей, которые удерживаютъ въ своихъ рукахъ и передаютъ своимъ семьямъ массы богатствъ. У Гомера всего богаче вожди предпріятій. Часто они носятъ титулъ βασιλῆες, что, можетъ быть, лучше передавать средневѣковымъ терминомъ «сеньеръ», чѣмъ византійскимъ «царь». Этой аристократіей и заняты, главнымъ образомъ, эпосъ; удалство, благополучіе, приключенія и развлеченія ея представителей болѣе всего интересуютъ поэта.

Въ изображеніяхъ Гомера бросается въ глаза культъ богатства, матеріалистичность вкусовъ. Вотъ, наприм., какими словами ликійскій герой Сарпедонъ, союзникъ троянцевъ, побуждаетъ своего товарища по оружію стать въ первые ряды въ бою. «Надо же оправдать тѣ прѣимущества, которыя предоставляетъ намъ народъ, подаривъ намъ прекрасное имѣніе на берегу рѣки и чувствуя насъ на обѣдахъ первымъ мѣстомъ, лучшими кусками жаркаго и полными чашами вина. Надо же намъ, басилеямъ, показать, что, поѣдая жирныхъ овецъ и выпивая сладкое вино, мы не прячемся въ неизвѣстности»¹⁹. Въ томъ же духѣ выдержаны и обычныя опредѣленія аристократіи: они «блистаютъ счастьемъ и богатствомъ», они «блаженствуютъ» (μάχαρες). Вожди у Гомера называются также людьми «жирными, тучными» (ἄφνοι, παχέες), какъ въ средневѣковыхъ городахъ popolo grasso). Кто богатъ, тотъ хорошъ,

тотъ наилучшій (*ἀρισταί, ἀγαθοί, ἀριστήεις*). Оба выраженія стоятъ иногда рядомъ, точно синонимы для взаимнаго усиленія; «богатый и добрый человѣкъ»—выходитъ въ стихѣ очень складно. Еще рѣзче эта навивная дерзость сознания оттъняется обозначеніемъ массы небогатыхъ «худыми людишками» (*κακοί, χερῆεις*). Мелкій народецъ отъ природы предназначенъ служить цвѣту человѣчества. Опять все откровенно названо собственными именами. Прикидываясь бѣднякомъ, Одиссей идетъ во дворецъ предлагать свои услуги: колоть дрова, раздувать огонь, подавать ѣду и питье за столомъ, рѣзать мясо—«все, что худые дѣлаютъ для лучшихъ»²⁰.

Безъ конца любить Гомеръ перечислять богатства, которыми блещутъ «лучшіе». О сокровищахъ и запасахъ подробно упоминается въ похвалѣ бѣ героевъ другъ передъ другомъ и въ переговорахъ, когда одинъ вождь склоняетъ другого къ союзу. Тутъ всегда на первомъ мѣстѣ металлы, золото, серебро, мѣдь и желѣзо въ видѣ оружія, утвари и просто въ вѣсовыхъ массахъ, затѣмъ искусные въ работѣ рабы и особенно рабыни-мастерицы, наконецъ, стада и земля. Сама война, набѣги, плѣненіе враговъ разсматриваются подъ угломъ зрѣнія выгоды. Герои Гомера умѣютъ дѣлать предварительные расчеты, а также играть на повышеніе. Вотъ, напр., разъяренному Ахиллу попадается одинъ изъ сыновей Пріама, Ликаонъ, котораго греческій герой уже разъ взялъ въ плѣнъ и продалъ на островъ Лемносъ сыну аргонавта Ясона, Эвнею, за серебряную чашу, въ свою очередь приобрѣтенную у финикійцевъ. Плѣнника перекупаетъ за большую цѣну гость Эвнея и увозитъ къ себѣ. Но Ликаону удается бѣжать въ отцовскій домъ. И вотъ подъ Троей онъ опять попадается Ахиллу. Въ ужасѣ онъ падаетъ къ ногамъ героя, молить о пощадѣ, напоминаетъ, что въ свое время для выкупа представилъ сто быковъ, и обѣщаетъ дать на этотъ разъ втрое больше²¹.

Любопытную фигуру представляетъ и этотъ сынъ Ясона на островѣ Лемносѣ, не разъ упоминаемый въ Илиадѣ. Это—настоящій сеньерь-торговецъ; торговля его питается именно войной. Онъ посылаетъ со своего острова вино ахейцамъ, стоящимъ подъ Троей, получая въ обмѣнъ желѣзо, мѣдь, быковъ, бычачьи шкуры, плѣнныхъ рабовъ, т.-е. все продукты захвата на войнѣ²². Изъ вышеприведеннаго примѣра видно, что перепродажей онъ увеличивалъ свои барыши отъ обмѣна. Есть еще у Гомера примѣръ басилея-купца, который, въ родѣ норманскаго викинга, самъ ѣздитъ съ товарами. Такъ находитъ для себя удобнымъ маскироваться богиня Аѳина, принимая видъ вождя мореходнаго народа тафійцевъ, который везетъ куда-то далеко желѣзо для обмѣна на мѣдь²³.

Во всѣхъ описаніяхъ битвъ представители аристократіи рѣзко выдѣлены отъ остальной массы: они одни, повидимому, бьются въ полномъ металлическомъ вооруженіи. Затѣмъ они выѣзжаютъ въ битву на колесницахъ. Хотя верховая ѣзда еще мало развита—это военная повинка—, но вообще примѣненіе лошадей въ бою, обладаніе конями и холя ихъ, увлеченіе конскими играми, обширное коневодство—характерная черта аристократіи. Гомеръ описываетъ красоту коней, упоминаетъ замѣчательныхъ ихъ укротителей; въ средѣ богатыхъ постоянно встрѣчаются имена Гишмахъ, Гишовой и т. д. Въ этомъ признакѣ обладанія конемъ какъ будто наглядно обозначается социальная грань. Сказать «конный воинъ»—значитъ отмѣтить человѣка богатаго высшаго класса. Это обозначеніе поразительно напоминаетъ смыслъ, который придается слову всадникъ, *caballarius*, въ капитуляріяхъ Карла Великаго, гдѣ кабалларіямъ, конницѣ богачей, противопоставляются *pauperiores*, бѣднота.

Занимаясь усердно всякаго рода спортомъ, аристократія заботится также о формахъ этикета, старается придать себѣ извѣстнаго рода лоскъ, выработать умѣніе держаться въ обществѣ. Въ этой средѣ очень цѣнятся краснорѣчіе. Случай говорить представляется весьма часто, и среди хвалебныхъ эпитетовъ героя нерѣдко упоминается способность импровизации. Діомедъ славится тѣмъ, что онъ и въ бою изъ первыхъ, и въ собраніи (*ἀγορῇ*) одинъ изъ лучшихъ ораторовъ. Напротивъ, Ахиллъ съ досадою говоритъ, что онъ теперь (послѣ смерти Патрокла):

...земли бесполезное бремя,

Будучи въ битвѣ способнѣй другихъ аргивянъ мѣднобронныхъ,

Только въ собраніи многимъ въ искусствѣ рѣчей уступая. ²⁴

Въ собраніяхъ, гдѣ произносятся рѣчи, господствуютъ выработанныя формы. Вотъ что говоритъ Агамемнонъ во время примиренія съ Ахилломъ:

Должно внимательно слушать и не прерывать говорящихъ.

Трудно пришлось бы тогда и тому, кто къ собраньямъ привыченъ.

Кто среди шума толпы въ состояніи слушать другого,

Иль говорить предъ другими? Смутится и громкій витія (*ἀγορῆτις*). ²⁵

Аристократическіе роды. Вожди и сеньеры живутъ большимъ домомъ, кормятъ множество родственниковъ. Соединеніе родни вмѣстѣ—опять отличительная черта аристократіи. Старый Фениксъ, Ахилловъ спутникъ, когда-то, молодымъ принцемъ, жестоко повздорилъ съ отцомъ и рѣшилъ бѣжать изъ дому. Онъ рассказываетъ, что отецъ вызвалъ всѣхъ родственниковъ на совѣщаніе. И вотъ во дворцѣ начинается шумная толчея своихъ людей и наѣхавшихъ со стороны.

Тѣсной толпой меня окружили друзья и родные,
 Долго меня умоляли, чтобъ съ ними въ дворцѣ я остался.
 Тучныхъ немало овецъ и тяжелыхъ быковъ криворогихъ
 Въ жертву заклали они, и немало свиней утучнѣлыхъ
 Было изжарено ими подъ пламенемъ яркимъ Гефеста.
 Выпито было не мало вина изъ кувшиновъ отцовскихъ.
 Девять ночей провели они рядомъ со мной неотступно,
 Стражу держа чередой. Два огня никогда не тушились:
 Въ портикѣ внѣшнемъ одинъ—передъ входомъ во дворъ защищенный
 Въ самыхъ чертогахъ другой—въ сѣняхъ, у дверей моей спальни. ²⁶

Въ описаніяхъ Гомера есть подробности, которыя относятся къ размѣщенію родственниковъ въ домѣ и характеризуютъ различное ихъ положеніе. Согласно Иліадѣ, въ домѣ Пріама живутъ, вмѣстѣ съ отцомъ, его многочисленные сыновья съ женами и замужнія дочери съ мужьями; первыхъ 50, вторыхъ 12; каждая семья въ особомъ покоѣ, тѣсно примыкающемъ къ среднему общему покою, при чемъ вторая половина, отданная дочерямъ, хуже и дальше расположена отъ середины ²⁷. Подобными же чертами въ Одиссеѣ описывается домъ старика Нестора въ Пилосѣ ²⁸. Послѣ общей трапезы женатыя сыновья Нестора расходятся по комнатамъ (θάλαμοι); единственный еще не женатый сынъ не имѣетъ особаго покоя: онъ проводитъ ночь въ глубинѣ общаго помѣщенія, уступая, повидимому, свое обычное лучшее мѣсто въ первой части залы гостю. Съ другой стороны, въ семьѣ Пріама выдѣлены Гекторъ и Парисъ, два младшія сына; у нихъ свои отдѣльныя хоромы съ оградой, подлѣ отцовскихъ. Они уже болѣе самостоятельны, приобрѣли свой достатокъ (о Парисѣ, напр., сказано, что онъ возводилъ свой домъ самъ, помогали строители Трои) ²⁹.

Несмотря на возможность такого выдѣленія, въ аристократической средѣ вообще, повидимому, новая семья не разлучается со старой, родительской, и, что характерно, эта семья привлекаетъ еще зятевъ, родственниковъ по женской линіи. Родство понимается очень широко, агнатное и когнатное, по отцовскому и материнскому праву. Расширенная большая семья живетъ до извѣстной степени въ коммунистическомъ хозяйствѣ; оно въ то же время необходимо предполагаетъ въ основѣ скопленіе большого богатства.

Такимъ образомъ, аристократія можетъ держаться болѣе сплоченными и многочисленными группами. Это даетъ ей новое преимущество. Ея представители могутъ легче закрѣпить за своими семьями и вѣрнѣе передать по наслѣдству разъ приобретенное владѣніе и вліяніе. Закрѣпленныя права и преимущества магнаты стараются обосновать на генеалогіяхъ; они выводятъ своихъ предковъ отъ боговъ и героевъ. Въ виду этого, по Гомеру выходитъ, что хотя Зевесъ и отецъ всѣхъ

людей, но «лучшіе», т.-е. вожди, непосредственно и по преимуществу родились отъ Зевса, или, по крайней мѣрѣ, какъ выражается эпось, «вскормлены» имъ.

Въ связи съ мыслью о высококомъ рожденіи создается понятіе объ особой семейной или родственной чести. Когда (въ послѣдней сценѣ Одиссеи) разъяренные сторонники и родственники убитыхъ жениховъ идутъ грозно съ толпой народа противъ дворца, Одиссеей возбуждаетъ своего сына Телемаха къ бою напоминаямъ о знаменитомъ родѣ отцовъ (πατέρων γένος), прославившихся на всю землю силой и храбростью; младшій потомокъ долженъ показать себя достойнымъ предковъ, не посрамить фамиліи. Поэтъ увлекается тѣмъ же мотивомъ дальше и хочетъ изобразить, какъ крѣпко все старшіе и младшіе члены семьи стоятъ заодно и оберегаютъ свое имя и свое прошлое, но впадаетъ въ крайность. Онъ выводитъ на первый планъ битвы Лаерта, стараго отца Одиссеева, умиленнаго соревнованіемъ сына и внука, забывши, что, по предыдущему изображенію, тотъ едва волочилъ ноги; воодушевленный родственной идеей, Лаертъ бросаетъ копье въ вождя возставшихъ. Аѳина направляетъ ударъ, который рѣшаетъ дѣло: народъ, увидѣвъ гибель вождя, бѣжитъ³⁰. Эта сцена, неудачная и почти смѣшная, заканчиваетъ поэму; она, однако, не случайна и очень характерна. Авторъ поэмы, сочувствующій аристократіи, хочетъ сказать этой картиной: вотъ какъ одолѣваютъ безформенную массу народа гордость и единеніе благородной семьи.

Политическій строй героическаго вѣка. Власть царя. Каждая община, племя или вообще самостоятельная группа имѣетъ во главѣ своей царя (βασιλεύς). Поэтъ называетъ царя «отцомъ, пастыремъ народа», часто прибавляя: «народъ слушается его (царя), какъ бога»³¹. Или есть такое выраженіе: «жизнь и сила народа (феаковъ) держится царемъ»³². Эти формулы и эпитеты производятъ впечатлѣніе чего-то стариннаго, священно-традиціоннаго; они какъ будто составляютъ отзвукъ теоріи божественнаго происхожденія власти. Титуль βασιλεύς также, повидимому, указываетъ на патріархальный характеръ власти; то же имя носить одинъ изъ трехъ архонтовъ, т.-е. старинныхъ высшихъ сановниковъ въ Аѳинахъ, и такъ же называются старѣйшины древнихъ филъ, племенныхъ союзовъ Аттики (филобасилей). Традиціонный титуль переходитъ на вождей, стоящихъ во главѣ дружинъ, на героевъ, ведущихъ по морю завоевательныя эскадры или совершающихъ опустошительныя набѣги. Но ихъ авторитетъ совершенно иного характера. Какъ уже было показано, онъ опирается на личныя связи, на военную удачу и предводительскія качества героя. Поэтому о священномъ ореолѣ военныхъ вождей не приходится говорить. Спрашивается,

что власть басилеевъ военныхъ сильнѣе или, напротивъ, слабѣе, чѣмъ правителей съ традиціоннымъ авторитетомъ на родинѣ? На этотъ вопросъ нельзя дать простой отвѣтъ.

Своихъ непосредственныхъ военныхъ слугъ и дружинниковъ отдѣльные вожди держатъ въ строгой дисциплинѣ. Экипажъ Одиссея, т. е. воители, бывшіе съ нимъ подъ Троей, нигдѣ не выказали ему неповиновенія. Напротивъ, на родинѣ, гдѣ онъ—наслѣдственный традиціонный правитель, его никто не хочетъ признавать; поднимается общее возстаніе; приходится опять добывать власть силой. Съ другой стороны, общее верховное командованіе на войнѣ, представленное подъ Троей Агамемнономъ, оказывается довольно слабымъ. Главнаго басилея плохо слушаются, съ нимъ рѣзко препираются; на войнѣ нѣтъ общей команды; битва распадается на схватки отдѣльныхъ дружинъ и ополченій, приведенныхъ разными вождями; въ свободное время отдѣльные герои совершаютъ самостоятельные набѣги. Иногда кажется, что Агамемнонъ—настоящій слабый король феодальнаго времени, окруженный могущественными вассалами и часто встрѣчающій ихъ нежеланіе повиноваться.

Весьма оригиналенъ способъ, которымъ Несторъ, знатокъ всякихъ формъ и традицій, старается обосновать авторитетъ главнаго вождя. Греки только что потерпѣли пораженіе, и вожди озабочены дальнѣйшей судьбой войска, лишенаго важной помощи Ахилла, который поссорился съ Агамемнономъ. Несторъ вводитъ обсужденіе въ военномъ совѣтѣ такими словами: «Я распоряджусь разстановкою стражи на ночь (чтобы можно было спокойно собраться на почной совѣтъ). А потомъ, ужъ ты, Атридъ, прими начальство; ты вѣдь у насъ главный царь (*βασιλεύτας*). Устрой трапезу старѣйшинамъ. Это твоя обязанность: у тебя палатки полны вина, которое каждый день подвозятъ тебѣ изъ Фракіи; у тебя всякое есть угощеніе: вѣдь ты городами правишь»³³. Кромѣ этого комплимента царскимъ кладовымъ, Несторъ не приводитъ никакихъ аргументовъ въ пользу авторитета Агамемнона. Онъ говоритъ дальше: «много вождей собери и тому повинуйся, кто лучший дастъ намъ совѣтъ, потому что ахейцы больше всего нуждаются въ разумномъ мнѣніи».

Еще болѣе характерны сцены второй пѣсни Илиады. Тутъ все какъ будто сходится къ одному впечатлѣнію: главный вождь неловко и неудачно повелъ свою затѣю, обнаружилось полное неповиновеніе войска, разбродъ остановленъ лишь энергіей второстепенныхъ вождей. Агамемнонъ собралъ воиновъ, чтобы двинуть ихъ на рѣшительный приступъ къ Троѣ, но сначала хочетъ испытать настроеніе и для этого предлагаетъ обратный планъ—ѣхать домой. Всѣ бросаются къ кора-

блямъ. Нѣтъ никакой возможности остановить бѣгущихъ и вернуть въ собраніи порядокъ. Среди шума и мятежа воиновъ, непослушныхъ главному вождю, слова, которыя поэтъ вложилъ въ уста Одиссею, звучать почти безнадежнымъ резонерствомъ:

Мы, аргивяне, не всѣ, полагаю, здѣсь царствовать будемъ
 Не хорошо многовластье. Единый да будетъ властитель,
 Царь единый, которому Кроноса хитраго сыномъ
 Скипетръ данъ и законы затѣмъ, чтобъ царилъ надо всѣми. ³⁴

Проповѣдь монархизма происходитъ въ очень неподходящей обстановкѣ; а къ тому же вслѣдъ за словами Одиссея начинаются ѣдки и бранныя рѣчи Ферсита, нападающаго на жадность и своекорыстіе вождей. Въ концѣ-концовъ порядокъ восстанавливаетъ не верховный вождь, а сеньеры: тотъ же самый нетактичный политическій резонеръ, Одиссей, прибѣгаетъ къ другимъ аргументамъ, начавши энергически дѣйствовать скипетромъ по спинамъ. Агамемнонъ молчитъ, грозныя рѣчи произносятся второстепенные вожди; они же воодушевляють войско къ приступу на Трою, а Несторъ, напомнивъ воинамъ клятвы и обязательства, принятыя ими передъ походомъ, обращается тутъ же съ поученіемъ къ Агамемнону: «ты же, о царь, будь и самъ благомысленъ и слушай другого» ³⁵. Наставленія звучатъ сурово, какъ будто старикъ хочетъ сказать, что обѣ стороны провинились. Приведенное мѣсто интересно еще въ одномъ отношеніи. Напоминаніе о «единомъ неограниченномъ властителѣ» не только неумѣстно въ данномъ случаѣ, но оно и вообще неожиданно въ обстановкѣ, изображаемой Гомеромъ. Къ тому же «единый властитель» выражено необычнымъ терминомъ *κοίρανος*. Едва ли мы ошибемся, если признаемъ въ странной идеализаціи монархіи вліяніе идеи восточнаго самодержавія. Приходится заключить, что гомеровская среда была подъ какимъ-то воздѣйствіемъ авторитета большаго азіатскаго царя, будь это ассирійскій, или хетитскій, или мидійскій властитель. Повидимому, само слово *κοίρανος*—чуждое, азіатское слово: оно похоже на *κάρανος*, титуль, присвоенный въ концѣ V вѣка до Р. X. принцу царскаго дома, Киру, въ качествѣ верховнаго главнокомандующаго всѣхъ малоазійскихъ военныхъ силъ.

Очень характерно у Гомера приведенное выше выраженіе *βασιλεύ-татος*. Этимъ терминомъ въ видѣ превосходной степени отъ *βασιλεύς* приходится обозначать главнаго вождя, потому что всякій сеньеръ уже считаетъ себя басилеемъ. Въ Иліадѣ Несторъ называетъ Агамемнона царемъ царей. Въ Одиссеѣ Алкиной, находящейся въ подобномъ же положеніи среди другихъ феакійскихъ вождей, выражается такъ: «двѣ-

надать славныхъ владыкъ-басилеевъ правять надъ народомъ; я же тринадцатый». Это—настоящій *primus inter pares*, король-сюзерень среди сеньеровъ-пэровъ средневѣковья.

Совѣтъ старѣйшинъ и народное собраніе. Царь далекъ отъ того, чтобы предпринимать единоличныя рѣшенія, а окружающіе его второстепенные вожди совѣзмъ не похожи на чиновниковъ. Всѣ важныя рѣшенія принимаются послѣ обсуждения: въ поэмахъ упоминается ближайшій совѣтъ *басилея*, *βουλῆ*, и общее собраніе, *ἀγορῆ*; иногда они соединяются вмѣстѣ. Совѣтники часто сходятся въ домъ *басилея* или на войнѣ въ его палатку, при чемъ совѣщаніе соединяется съ трапезой. Тѣсная связь совѣтниковъ съ *басилеемъ* особенно иллюстрируется однимъ мѣстомъ *Одиссеи* ³⁶: въ передней палатѣ дворца стоятъ столы, уставленные кубками для сотрапезниковъ царя, которые постоянно работаютъ съ нимъ (*ἀμφεπέποντο*) и ходять съ нимъ на общее совѣщаніе (*θεῶκος*) и въ собраніе народа (*δήμου φῆμις*).

Була—старое учрежденіе; это—древній совѣтъ старѣйшинъ. Совѣтники царя постоянно зовутся *γέροντες βουλευταί*. Есть такія соединенія, какъ *γερούσιος οἶνος* ³⁷, вино, выпиваемое старѣйшинами. Еще любопытнѣе *γερούσιος ἕρκος* ³⁸—особая присяга, принимаемая старѣйшинами, во имя всего народа. Она упоминается въ слѣдующей комбинаціи: Гекторъ предлагаетъ выплатить грекамъ выкупъ, чтобы они отступили отъ Трои; съ этой цѣлью должно обложить податью весь троянскій народъ, а въ видѣ гарантіи, что обязательство будетъ исполнено, подвести къ присягѣ стариковъ. Особенно характерно то названіе, которое члены совѣта носятъ у троянцевъ; здѣсь они—*δημογέροντες*, народныя старѣйшины. Въ одномъ мѣстѣ *Иліады* опредѣленно сказано, что въ совѣтѣ сидятъ люди преклоннаго возраста, вышедшіе за предѣлы военной годности. Въ позднѣйшей Греціи есть только одна община, гдѣ сохранился совѣтъ стариковъ, именно Спарта, но этотъ единственный случай крайне характеренъ: Спарта была чрезвычайно консервативна; во многихъ отношеніяхъ она представляетъ настоящій музей соціальныхъ и политическихъ древностей.

Но въ подвижномъ быту воинственныхъ дружинъ учрежденіе это сильно видоизмѣнилось. Совѣтники царя продолжаютъ называться *γέροντες ἀριστῆες*; ихъ семь человекъ при Агамемнонѣ, но среди нихъ только одинъ настоящій старикъ, Несторъ, остальные—герои битвъ, люди среднихъ лѣтъ или совѣзмъ молодые ³⁹. Эти сильнѣйшіе и вліятельнѣйшіе люди имѣютъ мало общаго со старыми родовыми и племенными группировками; они—вожди (*ἡγήτορες ἢ δὲ μέδοντες*) очень пестраго состава смѣльчаковъ, искателей приключеній, воспитанныхъ при военныхъ дворахъ оруженосцевъ. При такой перестройкѣ общественныхъ отношеній

старѣйшины утрачиваютъ свой былой авторитетъ. Въ Одиссеѣ есть сцена, изображающая въ драматической формѣ какъ бы отступленіе стариковъ передъ властью молодого вождя. На о. Итакѣ происходитъ большое народное собраніе; появляется Телемахъ и идетъ на возвышеніе (θῶκος), гдѣ раньше сидѣлъ его отецъ; старики уступаютъ ему мѣсто ⁴⁰.

Очень старинное учрежденіе также ἀγορῆ, собраніе всего народа. У него есть свои традиціи, своя символика, свой порядокъ и приемы. Въ вышеупомянутомъ собраніи на о. Итакѣ выступаетъ въ качествѣ перваго оратора старѣйшій человѣкъ; онъ съ большой похвалой отзывается объ инициаторѣ собранія, а затѣмъ ставитъ рядъ вопросовъ о мотивахъ созыва. Мы узнаемъ изъ его словъ, каковы были возможные программы собранія: «не хотятъ ли сообщить народу вѣсти съ поля войны, не собираются ли власти оповѣстить народъ о принятой ими мѣрѣ, не предстоитъ ли публичное обсужденіе и цѣлый рядъ политическихъ рѣчей?» Въ собраніи сходятся люди всѣхъ возрастовъ. Тотъ же ораторъ говоритъ: «кому обязаны мы рѣдкимъ и пріятнымъ случаемъ созыва народа: молодые люди оказали давленіе, или же возрастъ болѣе пожилой?» Въ собраніи всѣ сидятъ, при чемъ старѣйшины занимаютъ особое мѣсто. Ораторъ выходитъ на середину арены и беретъ у распорядителя жезлъ (σκήπτρον), принадлежность власти. Противъ правилъ приличія (οὐ κατὰ κόσμον) созывать собраніе къ закату солнца и т. п. ⁴¹.

Среди мирной жизни ἀγορῆ созывалось не часто. Согласно словамъ бывалаго старика (въ приведенной выше сценѣ собранія), на о. Итакѣ не созывали собранія въ теченіе 20 лѣтъ. Иное дѣло—общія сходки во время войны. Здѣсь, въ лагерѣ, на походѣ находятся въ сборѣ самые энергичные и дѣятельные люди племени, здѣсь больше рѣшительныхъ моментовъ, когда вождямъ важно познакомиться съ настроеніемъ массы; на войнѣ вожди постоянно на глазахъ и подъ невольнымъ контролемъ остальныхъ воиновъ. Собранія всего воинства происходятъ весьма часто. Вождь велитъ звать всѣхъ воиновъ поименно (κλήδην): такъ распоряжается Агамемнонъ въ критическую минуту, когда Гекторъ, послѣ побѣды надъ греками, ночуетъ со своими троянцами подъ окопами греческаго лагеря ⁴². Общее собраніе воиновъ созывается для того, чтобы обсудить основной вопросъ: штурмовать ли Трою, или покинуть все предпріятіе и уѣхать на корабляхъ домой? Два раза собираютъ все воинство для того, чтобы въ его присутствіи порѣшить споръ вождей. Одно изъ этихъ собраній проходитъ въ величайшемъ возбужденіи: толпа дѣлится пополамъ на двѣ партіи; въ спорѣ воины ескакиваютъ съ мѣсть, и собраніе разстраивается ⁴³.

Въ картинахъ народныхъ или военныхъ сходокъ мы узнаемъ ха-

рактерныя черты демократической Греціи, выступающія потомъ особенно въ Афинахъ, въ Сиракузахъ, въ собраніяхъ Десяти тысячъ у Ксенофонта и т. д.; волнующаяся, говорливая толпа, любопытная, жадная до новостей, нетерпѣливая, быстро мѣняющая настроеніе, чуткая и политически развитая; спорщики и мастера рѣчи, охотники послушать словесные турниры.

Каково отношеніе автора къ этимъ явленіямъ? Читая II пѣснь Илиады, можно, пожалуй, подумать, что ради своей аристократической аудиторіи авторъ-пѣвецъ изобразилъ карикатуру на толпу и ея демагога Эерсита, «самаго безобразнаго и трусливаго изъ всѣхъ воиновъ». Однако, даже среди этой насмѣшки надъ шуткомъ авторъ позволяетъ Эерситу сказать умную и ѣдкую рѣчь, затронуть самыя слабыя и больныя мѣста въ поведеніи вождей и обнаружить ихъ полную растерянность. Карикатура, впрочемъ, не распространяется на массу простыхъ воиновъ. Въ изображеніи шествія народа на собраніе Гомеръ принимаетъ даже какой-то торжественный, вдохновенный тонъ. Народъ струится къ собранію, заливаетъ арену; онъ идетъ не беспорядочной толпой, а стройными отрядами, сплоченными группами. Среди него идетъ, «горитъ-разгорается ангелъ божій Молва (’Οσσα, Διὸς ἄγγελος), движущая массу» ⁴⁴.

Землевладѣніе героическаго вѣка. Прежде, когда гомеровскія поэмы считались первобытной народной поэзіей, въ нихъ искали самыхъ примитивныхъ условій быта, между прочимъ, земельной общины, коммунизма мелкихъ хозяевъ. Намъ теперь странно кажется, что ученые не замѣчали множества указаній на мобилизацію земли, развитіе неравенства и т. д. Въ гомеровскихъ картинахъ все говоритъ о существованіи отчетливаго индивидуальнаго права на землю. Постоянно упоминаются ограды полей, виноградниковъ и садовъ; на границѣ владѣній положены межевые камни; существуютъ способы правильного измѣренія земли, и часто даются точныя опредѣленія размѣровъ того или другого участка. Мѣстами населенію стало тѣсно, и между сосѣдями часто возникаютъ споры о владѣніи. Это явленіе настолько обычно, что поэтъ, подыскивая сравненіе для двухъ ожесточившихся бойцовъ, находитъ наиболѣе нагляднымъ уподобить ихъ двумъ землевладѣльцамъ, которые, въ горячемъ спорѣ за нераздѣленную небольшую полосу, наступаютъ другъ на друга; у нихъ въ рукахъ сажени (μέτρα) для измѣренія земли, и каждый ревниво наблюдаетъ, чтобы сосѣдъ не отхватилъ себѣ хоть на капельку больше при раздѣлѣ ⁴⁵.

Когда Гомеръ описываетъ основаніе колоніи на новомъ мѣстѣ, онъ считаетъ нужнымъ прежде всего упомянуть о надѣленіи вновь прибывшихъ земельными участками. Съ такого надѣленія началъ Навси-

оой, вождь феаковъ, поселившій свою дружину на о. Схеріи ⁴⁶. Феаки, можетъ быть,—идеализація іонійцевъ, среди которыхъ сложился эпосъ. Картина образованія колоніи, со всѣми ея подробностями, хорошо была извѣстна іонійскому обществу; оно сравнительно недавно устроилось на новомъ мѣстѣ. Видимо, оно начало свою жизнь съ отчетливаго распредѣленія земель.

Первые старинные надѣлы составили, кажется, нѣкоторую норму владѣнія. Въ качествѣ знаковъ перваго распредѣленія земли лежали старые межевые камни, помѣщенные, какъ говоритъ поэтъ, людьми прежнихъ временъ. У Гомера часто и въ разныхъ комбинаціяхъ встрѣчается слово *κλήρος*; подъ нимъ разумѣли опредѣленный участокъ, домъ и небольшіе размѣры хозяйства, можетъ быть, клеръ считался нормальнымъ надѣломъ старины. Возбуждая троянцевъ къ энергическому натиску, Гекторъ ставитъ имъ на видъ, что, въ случаѣ смерти воина, жена и дѣти сохраняютъ домъ и нетронутый надѣлъ (*κλήρος ἀκήρατος*) ⁴⁷. Домъ и надѣлъ (*οἶκος καὶ κλήρος*) не разъ встрѣчаются вмѣстѣ, какъ тѣсная совокупность опредѣленнаго владѣнія ⁴⁸. Наконецъ, выраженія *πολύκληρος* и *ἄκληρος*, многонадѣльный и безнадѣльный, показываютъ, что въ клерѣ заключалась извѣстная норма, единица землевладѣнія, которая опредѣлилась, вѣроятно, первой наръзкой участковъ. Но два послѣднія выраженія и обнаруживаютъ какъ разъ, что старое распредѣленіе владѣній сдвинулось; наступила мобилизація земли. Въ одномъ мѣстѣ земля прикупается, въ другомъ дробится. Дробленіе—результатъ раздѣловъ между нѣсколькими наслѣдниками и грозитъ больше всего мелкому владѣльцу, крестьянину.

Такъ или иначе, отъ неудачъ, отъ плохого хозяйства, отъ раздѣловъ появляются люди съ ничтожнымъ надѣломъ или вовсе безъ надѣла. Безземельные у Гомера образуютъ цѣлый разрядъ: *ἄκληρος* стало синонимомъ бѣднаго разореннаго челоуѣка. Тѣнь Ахилла на вопросъ Одиссея о томъ, каково ея существованіе въ подземномъ царствѣ, отвѣчаетъ: «лучше бы мнѣ въ деревнѣ работать у безнадѣльнаго бѣдняка, чѣмъ здѣсь царить надъ умершими» ⁴⁹. Въ противоположность безземельнымъ, поднимаются *πολύκληροι ἄνθρωποι*, классъ людей преуспѣвшихъ, которые сосредоточили въ своихъ рукахъ старыя мелкіе надѣлы. Этотъ терминъ встрѣчается въ очень характерномъ мѣстѣ Одиссеи. Царь вернулся на родину, но хочетъ остаться неузнаннымъ и сочиняетъ для своего инкогнито цѣлую исторію. Онъ прикидывается побочнымъ сыномъ критскаго магната; при раздѣлѣ имущества послѣ смерти отца законныя дѣти выбросили ему небольшую часть, но онъ поправилъ свои дѣла тѣмъ, что взялъ жену изъ среды крупныхъ землевладѣльцевъ (*γυναῖκα πολυκλήρων ἀνθρώπων*) ⁵⁰. Изъ этого

разказа видно также, что земля могла свободно переходить въ наслѣдованіе женщинъ. А это эмансипированное положеніе женщины въ свою очередь указываетъ на большую подвижность быта, на сильное развитіе индивидуалистическаго права.

Низшіе классы общества по Гомеру. Ясно, что въ героическій вѣкъ множество людей лишилось почвы, сдвинулось съ своего первоначальнаго крестьянскаго или мелковладѣльческаго положенія. Многимъ нечего болѣе терять дома, и они идутъ на чужбину. Образовался опять-таки особый разрядъ людей, которые носятъ техническое обозначеніе, *μεταστάται*, переселенцевъ. Въ силу господствующихъ правовыхъ понятій чужаки занимаютъ въ обществѣ очень низкое положеніе: они презрѣнны (*ἀτίμητοι*) и лишены всякой защиты. Когда кто-нибудь хочетъ пожаловаться на тяжелую обиду, на попраніе всѣхъ своихъ человѣческихъ правъ, то говоритъ: со мной обошлись, какъ съ метанастомъ ⁵¹.

Изъ того же класса безземельныхъ образовался, вѣроятно, и другой разрядъ, рабочіе батраки (*θητες*). Оеты вынуждены идти на службу подъ покровительство болѣе сильныхъ и самостоятельныхъ людей. Существуетъ форма наемнаго договора: рабочій нанимается на годъ за опредѣленную плату (*θητεύειν μισθῷ ἐπὶ ῥήτῳ*) ⁵². Въ Одиссеѣ подробно изображается положеніе наемнаго рабочаго, нанимающагося къ богатому владѣльцу. Одинъ изъ жениховъ говоритъ Одиссею, переодѣтому нищимъ:

Странникъ, ты вѣрно поденщикомъ будешь согласенъ наняться
Въ службу мою, чтобъ работать за плату хорошую въ полѣ,
Рвать для забора терновникъ, деревья сажать молодыя.
Круглый бы годъ получалъ отъ меня ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ногъ надлежащую обувь.

На это Одиссей отвѣчаетъ, что онъ можетъ показать свою силу на косьбѣ въ долгіе лѣтніе дни, когда придется косить съ утра до вечера, и сумѣетъ на волахъ распахать большой участокъ ⁵³. Можно думать, что безземельные далеко не всегда оставались въ положеніи вольнонаемныхъ рабочихъ, что они такъ или иначе вынуждены были брать болѣе тяжелыя обязательства и вслѣдствіе этого попадали въ кабалу. Во всякомъ случаѣ, оета часто ставятъ на одну доску съ рабомъ.

Въ Одиссеѣ есть мѣсто, гдѣ характерно выступаетъ близость оетовъ къ рабамъ и крайне низкое положеніе сравнительно съ остальной массой свободныхъ. Женихи обезпокоены отъѣздомъ Телемаха. Они спрашиваютъ, съ кѣмъ онъ уѣхалъ, съ какой свитой: сопровождаютъ ли его военные товарищи (*χοῖροι*, что буквально соответствуетъ старо-русскимъ «отрокамъ»), набранные въ Итакѣ, или онъ взялъ толь-

ко собственныхъ наемныхъ и подневольныхъ людей (θηῆτες τε δμῶδες τε) ⁵⁴. Здѣсь проведена рѣзкая грань между военными вассалами, которые послѣдовали зову (ἔπονται) сенѣра, и собственными слугами, по средневѣковому выраженію, министеріалами магната. Въ этомъ послѣднемъ разрядѣ оеты поставлены на ряду съ рабами.

Очень интересно также одно мѣсто Иліады, гдѣ описано беззащитное положеніе наемнаго рабочаго, приближающее его къ рабству. Дѣло идетъ собственно о службѣ у троянскаго царя Лаомедонта двухъ назначенныхъ свыше боговъ, Аполлона и Посейдона, которые должны нести на землѣ самую тяжелую работу. Поэтъ увлекается реальной картиной, забывая, что его дѣйствующія лица—лишь актеры, маски; онъ говоритъ о горѣ настоящихъ оетовъ. Боги, принявшіе видъ рабочихъ, уговорились лишь относительно платы: за господиномъ осталось право по своему усмотрѣнію назначать имъ видъ и размѣры работы: одинъ изъ оетовъ долженъ былъ пасти стадо, другой—складывать стѣны. Но владѣлецъ обманулъ ихъ ко времени расчета, и Посейдонъ съ горечью напоминаетъ своему товарищу по службѣ, какъ жестокой Лаомедонтъ выгналъ ихъ вонъ съ угрозой, что въ случаѣ, если они вздумаютъ жаловаться, онъ обрѣжетъ имъ уши и, связавши по рукамъ и ногамъ, продастъ въ рабство на одинъ изъ отдаленныхъ острововъ ⁵⁵.

Удерживая обѣщанную плату, господинъ, очевидно, хотѣлъ закрѣпить рабочихъ за собой еще на слѣдующій срокъ или получить за нихъ капиталную цѣну, продавши ихъ, какъ своихъ холоповъ. Передъ оетомъ, въ виду такого насилія, было три пути: или онъ продолжалъ служить, въ надеждѣ когда-нибудь получить заработанное, и фактически переставалъ быть вольнонаемнымъ, или онъ покорно переходилъ въ разрядъ рабовъ, становился владѣемой душой, предметомъ бойкаго обмѣна, или обращался въ бродягу и подвергался риску получить отъ господина клеймо, которое навсегда должно было сдѣлать его отверженцемъ общества.

На томъ же примѣрѣ видно, что рабство питалось, помимо захватовъ на войнѣ, еще изъ одного источника; это именно насильственное завладѣніе трудомъ наемника, превращеніе оета въ холопа.

Рабство по Гомеру. Весьма любопытно, что рабы не упоминаются въ качествѣ полевыхъ рабочихъ. Въ гомеровскомъ альбомѣ типичныхъ картинъ, которыя собраны вмѣстѣ при описаніи щита Ахилла, есть изображеніе жнивья на полѣ крупнаго владѣльца. Многочисленные жнецы названы терминомъ ἔρθοι, который только разъ встрѣчается у Гомера ⁵⁶; ничто не указываетъ, что это были рабы, для которыхъ вообще имѣются цѣлыхъ три обозначенія: δοῦλοι, οἰκῆτες, δμῶδες. Вѣрнѣе, что ἔρθοι—пришлые, наемные рабочіе. Напротивъ, рабы не разъ упоми-

наются въ качествѣ пастуховъ при обширныхъ стадахъ, принадлежащихъ магнатамъ. Но главнымъ образомъ гомеровскіе рабы—домашніе дворовые люди, челядь (*οἰκῆτες*). Какъ сейчасъ на мусульманскомъ востокѣ, какъ въ свое время римскій нобиль, такъ гомеровскій сеньеръ держалъ много лишней дворни для мелкихъ услугъ, для представительства дома.

Среди домашнихъ рабовъ можно отмѣтить одну индустриальную группу; это—мастерицы, положеніе которыхъ въ большихъ дѣвичьихъ (по 50 рабынь у Алкиноя и Одиссея) напоминаетъ гениции, женскія мастерскія большихъ королевскихъ имѣній времяя Карла Великаго. Одна часть этихъ работницъ занята размальваніемъ зеренъ ручнымъ способомъ, другая—приготовленіемъ пряжи и тканей; онѣ обшиваютъ, повидимому, населеніе двора и готовятъ ковры, служащія для украшенія покоевъ.

Между рабами есть болѣе приближенные и привилегированные по положенію своему. Имъ поручаютъ администрацію, надзоръ за обыкновенными рабами; для должностей надзирателей есть техническій терминъ, *ὑδαμος ἀνδρῶν* ⁵⁷. Между прочимъ это выраженіе прилагается къ вѣрному Одиссееву рабу Эвмею, которому возвратившійся базилей открывается раньше всѣхъ. Эвмей выдѣленъ въ особое положеніе; у него отдѣльная изба, есть скотъ, и, что особенно любопытно, онъ самъ купилъ себѣ раба. Сознавая свои заслуги, онъ увѣренъ, что господинъ, вернувшись, дастъ ему усадьбу и полевой участокъ, а также выберетъ жену. Повидимому, у него есть мечта объ отпускѣ на волю. Этому ожиданію вполне отвѣчаютъ слова, съ которыми Одиссей обращается къ тому же Эвмею и къ другому пастуху, призывая ихъ на борьбу противъ жениховъ; онъ общается своимъ вѣрнымъ рабамъ выдѣлить и устроить каждому жену, хозяйство и домъ; они будутъ потомъ въ его глазахъ какъ бы товарищами и родными его сына, Телемаха ⁵⁸. Если дѣйствительно здѣсь подразумѣвается отпускъ на волю, то вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣлена еще одна черта, характерная для быта вольноотпущенныхъ и извѣстная изъ примѣровъ римскихъ отношеній: бывшіе холопы, получивъ личную свободу, но будучи обязаны своимъ социальнымъ положеніемъ прежнему господину, остаются въ нѣкоторой матеріальной отъ него зависимости; на это какъ будто намекаетъ выраженіе Одиссея, что онъ построитъ имъ избы въ непосредственной близости со своимъ домомъ.

Соціальная картина у Гесіода. Гомеръ лишь въ отрывочной формѣ даетъ нѣкоторыя черты быта низшихъ классовъ. Притомъ, будучи занятъ аристократическими дворами и ихъ блестящимъ шумнымъ бытомъ, поэтъ обходитъ обширный классъ людей, которые не кружатъ непо-

средственно около героев и стоять на глубокомъ заднемъ фонѣ общества того времени, именно крестьянъ, мелкихъ собственниковъ, хлѣбопашцевъ и садоводовъ, составляющихъ, однако, чуть ли не главную массу населенія. Косвенно мы, разумѣется, чувствуемъ ихъ и у Гомера, потому что изъ кого же иначе набирается масса рядовыхъ бойцовъ, λαοί, сражающихся, по его словамъ, тѣсными фалангами. Однако въ картинахъ мирной жизни у Гомера этотъ многочисленный слой общества почти не виденъ, и социальная перспектива получается не совсѣмъ правильная. Къ тому же Гомеръ почти ничего не говоритъ о настроеніи класса, который можно назвать позднѣйшимъ именемъ *геоморовъ*. Въ его картинахъ широкой блестящей вольной жизни военной аристократіи или въ его счастливыхъ идилліяхъ, раскрывающихся среди богатой обстановки замка, нѣтъ мѣста чувствамъ и представленіямъ простого люда. Для знакомства съ этимъ міромъ отношеній надо обратиться къ Гесіоду.

Поэмы Гесіода составлены немного позднѣе гомеровскихъ (мы увидимъ сейчасъ, что Гомеръ былъ извѣстенъ Гесіоду), и жилъ Гесіодъ въ области, далекой отъ Іоніи, въ Беотіи. Тѣмъ не менѣ сопоставленіе двухъ поэтовъ вполне возможно. Ко времени Гесіода черты новаго быта, безпокойныя предпріятія, обогащеніе моряковъ грабежомъ, притѣсненіе мелкаго люда, проникли изъ колонизованныхъ странъ въ области европейской Греціи. Такъ, какъ Гесіодъ принадлежитъ цѣликомъ средѣ геоморовъ, то социальный міръ представляется ему въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ пѣвцу вождей героическаго вѣка; благодаря этому, Гесіодъ даетъ важное дополненіе къ картинѣ общественной жизни, раскрывающейся у Гомера.

Представители власти носятъ у Гесіода то же названіе, что у Гомера— βασιλῆες, хотя видно, что они не военные вожди, а преимущественно судьи. Вѣроятно, таковъ и былъ старинный авторитетъ, покрывавшійся именемъ «царей». Но этихъ традиціонныхъ старѣйшинъ и правителей уже коснулось злое дыханіе воинственнаго, насильническаго вѣка; они извлекаютъ матеріальную выгоду изъ своего положенія, они, по словамъ поэта, «пожиратели даровъ», т.-е. взяточники (δωροφάγοι) ⁵⁹. Гесіодъ обращается къ басилеямъ непосредственно съ тою же раздраженною рѣчью, которая у Гомера вложена въ уста демократическаго оратора и оппозиціонера Ферсита. Но въ то время, какъ Гомеръ, изъ симпатіи къ вождямъ, готовъ смѣяться травлѣ побитаго простолюдина, Гесіодъ съ удареніемъ называетъ себя челоувѣкомъ изъ народа, живущаго всѣми его горестями и надеждами.

Гесіодъ знаетъ героическій эпосъ, но относится къ его составителямъ критически. Въ одномъ мѣстѣ онъ явно мѣтитъ въ Гомера,

Его музы-вдохновительницы обращаются къ сельскимъ пастухамъ, которые саркастически названы «каторжнымъ народомъ, чревоугодниками», съ такою рѣчью: «мы умѣемъ нагромождать ложь, похожую на истину, но умѣемъ также, когда захотимъ, рассказать и правду»⁶⁰. Первая половина фразы буквально взята изъ Одиссеи; слова эти относятся тамъ къ фантастическому разсказу, который придуманъ Одиссеемъ, временно скрывающимъ отъ жены свою личность. Гесіодъ хочетъ сказать: «я не буду сочинять благозвучныхъ сказокъ, какъ Гомеръ, говорящій устами своего героя, а изображу дѣйствительность безъ прикрасъ». О своемъ собственномъ поэтическомъ дарѣ Гесіодъ высокока миѣнія: «слушай мою рѣчь, музы научили меня пѣть пѣсни невыразимой красоты»⁶¹.

Быть и мораль крестьянства. Для насъ особенно интересна поэма Гесіода «Труды и дни», написанная о простомъ народѣ и для него. Самъ поэтъ принадлежитъ къ этой средѣ и выражаетъ ея настроеніе и міросозерцаніе. Въ «Трудахъ» нѣтъ опредѣленнаго сюжета. Это рядъ жалобъ на неправду, царящую въ мірѣ, религіозно-философскія картины грѣхопаденія человѣчества и роста злыхъ силъ, раздирающихъ общество. Затѣмъ призывы къ труду и къ честности, наконецъ, практическіе совѣты хозяину и семьянину, нѣчто въ родѣ «Домостроя».

Выѣшней завязкой Гесіоду служитъ споръ о владѣніи, который онъ ведетъ со своимъ братомъ. Поэтъ не вѣритъ въ справедливость рѣшенія властныхъ людей и хочетъ обратиться противъ неправедныхъ и подкупныхъ правителей къ народу, изложить передъ нимъ свое дѣло, чтобы добиться правды. «Я разскажу басню въ поученіе басилеямъ, хотя они и сами все понимаютъ. Сильный человѣкъ похожъ на ястреба, простой—на соловья, который попался ему въ когти. Ястребъ несетъ его подъ облака и кричитъ, не даетъ окровавленному соловью даже жаловаться: «чего ты стонешь, презрѣнный! Вѣдь я безконечно сильнѣе тебя. Все равно ты будешь тамъ, куда я тебя утащу, и насколько тебѣ не поможетъ, что ты—пѣвецъ искусный. А сдѣлаю я съ тобой, что вздумается: или съѣмъ, или выпущу. Безумецъ тотъ, кто захочетъ спорить съ сильными: онъ уйдетъ разбитымъ и вдобавокъ увидитъ одинъ позоръ и муки». Такъ говорилъ быстрокрылый ястребъ, ширококрылая птица»⁶².

Поэтъ предлагаетъ своему брату бросить неправильные пути насилія и послушаться совѣтовъ справедливости. Вотъ законъ, который сынъ Крона, т.-е. Зевсъ, предписалъ человѣчеству: рыбы, звѣри и крылатыя птицы могутъ пожирать другъ друга, потому что имъ неизвѣстна правда; людямъ же онъ далъ справедливость, высшее изъ благъ. Не трудно отдаться пороку, онъ совѣмъ близокъ отъ насъ.

Тяжелъ и мучителенъ путь добродѣтели; въ потѣ лица добивается своей цѣли человѣкъ. Трудъ, самостоятельность жизненныхъ усилій—вотъ что рекомендуетъ Гесіодъ. Въ его морали нѣтъ мягкости, нѣтъ никакой любви къ ближнему; все сурово, практично, экономно. Надо держать слово; у того, кто нарушилъ клятву, потомство заглохнетъ; вѣрный своему слову народитъ цвѣтущее поколѣніе. «Люби того, кто тебя любить, иди къ тому, кто тебя ищетъ, давай тому, кто тебѣ даетъ, не давай тому, кто не даетъ тебѣ» ⁶³.

Практичность Гесіода въ его сельскохозяйственныхъ и домоводческихъ совѣтахъ кажется мелочной. Чувствуется тяжелая атмосфера страха за будущее своего мелкозвладѣльческаго двора. «Если понемногу прибавлять къ малости и часто прикладывать, скоро порядочно накопишь и избѣжишь мрачнаго Голода. Лучше имѣть нужное у себя, чѣмъ просить на сторонѣ». Нужно имѣть домъ и пару быковъ. Занимать унижительно и непрактично. Легко сказать: «дай мнѣ быковъ и телѣгу», но еще легче отвѣтить: «мой быки нужны мнѣ самому» ⁶⁴. Невольно представляешь себѣ человѣка, согнувшася подъ тяжестью работы, исполненнаго ко всему глубокаго недовѣрія. «Даже, когда съ братомъ уговариваешься шутя, приведи свидѣтелей, потому что до вѣрчивость губить людей такъ же, какъ недовѣріе». «Берегись, чтобы кокетливая женщина, зарясь на твое имущество, не улестила тебя своей болтовней. Кто довѣряется женщинамъ, поручаетъ себя ворами». «Нужно имѣть не болѣе одного сына для поддержанія родового дома; такимъ путемъ увеличишь свое достояніе. Пусть онъ доживетъ до старости и въ свою очередь оставитъ одного наследника» ⁶⁵. Настаивая на необходимости работать въ потѣ лица и не покладая рукъ, Гесіодъ въ сущности не любитъ труда; онъ близокъ къ тому, чтобы считать трудъ проклятой долей человѣка.

Необыкновенно характерно отношеніе Гесіода къ мореходству. Тутъ сказывается все недовѣріе старинной сельской Греціи, съ ея патриархальными, благочестивыми и тяжеловѣсными устоями, къ дерзкой, жадной и отчаянной вольницѣ гомеровскихъ героевъ. Бросаться въ морское предпріятіе—это почти значить быть отверженнымъ Каиномъ, осужденнымъ на блужданіе. «Блаженны тѣ, кто справедливы... никогда они не испытываютъ голода... овцы несутъ имъ густую шерсть... жены родятъ имъ дѣтей, похожихъ на отцовъ; ихъ счастье ничѣмъ не омрачено, имъ не надо пускаться на корабляхъ, богатая земля родитъ имъ плоды въ изобиліи». Мореплаваніе полно страха и риска (*δυσπέμελος ναυτιλία*) ⁶⁶. Самъ Гесіодъ никогда не ѣздилъ въ открытое море; разъ только онъ переѣхалъ неширокой проливъ, отдѣляющей Беотию отъ Эвбеи, чтобы побывать на играхъ, гдѣ онъ одолѣлъ въ поэтиче-

скомъ состязаніи. Но отцу его пришлось испытать всѣ превратности судьбы человѣка, отдавашагося волнамъ: онъ бѣжалъ не отъ богатства и изобилія, а отъ злой бѣдности, которую ниспосылаетъ Зевсъ людямъ.

Еще допустимо выѣзжать въ море осенью. «Твой корабль не разобьется въ эту пору года и не будетъ поглощенъ волнами, если только Посейдонъ и Зевсъ нарочно не захотятъ погубить тебя». Другое, весеннее плаваніе—опасно. «Не одобряю я его, не люблю ловить минуты, когда трудно избѣгнуть бѣды. Все-таки люди рѣшаются на такое плаваніе, потому что они безразсудны; вѣдь жалкій родъ человѣческой тянется всей душой къ деньгамъ». «Не довѣрай своего имущества кораблямъ; раздѣли его на двѣ части, и большую часть оставь на сушѣ, меньшую грузи». «Страшно погибнуть среди волнъ... страшно такъ же, какъ наложить чрезмѣрную тяжесть на телѣгу, потому что, сломавши ось, потеряешь весь грузъ»⁶⁷.

Торговля и индустрія героическаго вѣка. Когда въ Гомерѣ видѣли древнѣйшую народную поэзію, быть его героевъ опредѣляли какъ натуральное хозяйство; говорили о замкнутой экономической жизни отдѣльных семей и домовъ. При этомъ ссылались на мастерскія у бацилеевъ и на громадное производство пищевыхъ продуктовъ, покрывавшихъ все потребленіе двора сеньера и округи.

Здѣсь не имѣется въ виду оспаривать правильность вообще понятія натурального хозяйства; можетъ быть, многіе теперь затруднятся указать ту ступень экономической жизни, къ которой бы это понятіе подходило. Ко времени гомеровскому оно во всякомъ случаѣ не прилагивается. Изъ картинъ эпоса видно, что множество предметовъ привозится извнѣ, и въ обмѣнъ за нихъ поступаютъ мѣстные продукты. Въ Одиссеѣ есть подробный рассказъ⁶⁸ о приключеніяхъ царскаго сына на торговой галерѣ финикійцевъ; купцы стоятъ въ гавани цѣлый годъ, сбываютъ привезенныя бездѣлушки (*ἀθύρματα*) и покупаютъ жизненные припасы (*βίον πολύν*). Для товара, перевозимаго на корабляхъ, есть, помимо только что приведенныхъ, еще другіе термины, *ἔδαια*, *φόρος*, и, конечно, уже это обиліе выражений указываетъ на развитіе обмѣна. Не одни финикійцы являются купцами, есть особый разрядъ торговцевъ мѣстнаго происхожденія. Одинъ изъ борцовъ при дворѣ Алкиноя, желая оскорбить знатнаго гостя, Одиссея, говоритъ ему, что онъ не похожъ на атлета, а развѣ на привычнаго къ переѣздамъ капитана, начальника моряковъ-купцовъ (*ναῦται πρηχτῆρες*), который держитъ въ памяти своей количество груза и наблюдаетъ за сохранностью товаровъ (*ἐπίσχοπος ἔδαιων*)⁶⁹. Насколько развился обмѣнъ, видно изъ наличности опредѣленныхъ цѣнъ на товары. У Гомера очень часто

указана цѣна вещи; въкоторыя цѣны правильно повторяются, онѣ твердо установлены, напимѣръ, плата за знатнаго плѣнника, за мастерицу, за оружіе. Установилось соотношеніе цѣнъ, какъ видно, изъ одного мѣста Илиады, характернаго уже тѣмъ, что въ художественное изображеніе неожиданно врывается прозаическая меркантильная черта. Два противника въ бою, Діомедъ и Главкъ, вмѣсто поединка, примиряются и обмѣниваются оружіемъ. Но одинъ изъ нихъ въ великодушномъ порывѣ не замѣчаетъ невыгоды мѣны; отдавая Діомеду свой золотой щитъ, Главкъ взаменъ получаетъ бронзовый, или, какъ говоритъ Гомеръ, «даетъ сто быковъ за девять» ⁷⁰. Едва ли эти цифры случайны; надо думать, что цѣна золота дѣйствительно относилась къ цѣнѣ бронзы какъ 100 къ 9, т.-е. приблизительно золото было въ 11 разъ дороже.

Гомеровскія цѣны расчислены на количество головъ рогатаго скота. Нечего и говорить, что быковъ и коровъ не надо считать реальными деньгами; это лишь мѣрка, единица расчета и уплаты, кредитный знакъ. Монеты у Гомера нѣтъ; упоминаются только золотые таланти, т.-е. вѣсовые куски драгоцѣннаго металла. Затѣмъ есть еще форма денегъ, это—металлическія орудія, топоры и металлическая утварь, котлы и треножки (т.-е. котлы на ножкахъ). Расчетъ въ послѣднемъ случаѣ былъ своеобразенъ; онъ состоялъ въ опредѣленіи цѣны не вѣсомъ металла, а вмѣстимостью сосуда ⁷¹. Богатые люди хранятъ у себя большіе запасы металла для крупныхъ расчетовъ, выкуповъ и т. п.

Довольно опредѣленную картину даетъ Гомеръ и для характеристики индустріи. Та доля ремесленной работы, которая приходится на женщинъ, исполняется, какъ мы видѣли, въ домѣ крупнаго сеньера. Но для обработки другихъ предметовъ даже и большія хозяйства, не говоря о мелкихъ, нуждаются въ услугахъ постороннихъ людей, частью пришлыхъ, которые своей работой дополняютъ домашній обиходъ. Въ Одиссеѣ есть общая характеристика этихъ представителей дополнительнаго пришлого труда. Женихи сердятся на Эвмея, стариннаго и опытнаго раба, который привелъ въ домъ новаго ѣдока (переодѣтаго Одиссея). Эвмей защищается:

Приглашаетъ ли кто чловѣка чужого

Въ домъ свой безъ нужды? Лишь тѣхъ приглашаютъ, кто нуженъ
на дѣло:

Или гадателей, или врачей, или искусниковъ зодчихъ,

Или пѣвцовъ, утѣшающихъ душу божественнымъ словомъ.

Ихъ приглашаютъ съ охотою всѣ земнородные люди. ⁷²

«Кто нуженъ на дѣло»—*οἱ δῆμιουργοὶ ἕασιν*. Деміургами въ Аѣинахъ позднѣе называли ремесленниковъ, людей всякаго труда, помимо того,

который связанъ съ обработкой земли. Этотъ самый терминъ есть уже у Гомера. Онъ означаетъ подвижной переходящій классъ людей (*κλητοὶ βροτῶν*), живущихъ постоянной работой и не имѣющихъ собственного прочнаго домоводства. Обозначились въ немъ и отдѣльныя специальности; между ними есть нѣсколько интеллигентныхъ профессій: врачи, гадатели, пѣвцы, вѣстники (т.-е. распорядители сходокъ и бирючи). Затѣмъ идутъ собственно ремесленники: плотники, они же столяры, горшечники, кузнецы, они же оружейники и золотыхъ дѣлъ мастера, строители кораблей, кожевники. Но раздѣленіе труда еще не сдѣлало большихъ шаговъ. Такъ, напр., кожевникъ не только готовитъ кожу, рѣжетъ ее, ему приходится также обтягивать кожей щиты или обивать ихъ металлическими пластинками и тогда онъ уже замѣняетъ оружейника. Плотнику приходится работать надъ древеснымъ матеріаломъ вообще, т.-е. также надъ орнаментовкой, раскраской дерева въ постройкѣ; но онъ же долженъ озаботиться и самимъ приобрѣтеніемъ матеріала, т.-е. срубить дерева. Какъ мало дифференцирована работа, видно изъ примѣра Одиссея, который самъ сооружаетъ себѣ небольшой парусный корабль, а также дѣлаетъ для себя художественную кровать; въ послѣднемъ случаѣ, принимая во вниманіе разнообразіе матеріала, ему приходится приложить искусство каменотеса, столяра, шорника, мастера въ выдѣлкѣ слоновой кости и ювелира. Конечно, это поэтическое преувеличеніе, чтобы выдвинуть таланты героя, но вѣдь фантазія всегда работаетъ въ духѣ извѣстной реальности.

Приведенное выше мѣсто изъ Одиссеи даетъ нѣкоторое понятіе о положеніи деміурговъ въ аристократическомъ обществѣ; пріѣзжихъ мастеровъ приглашаютъ и берутъ на содержаніе во время ихъ работы. Нѣкоторыя ремесла или искусства въ особенномъ почетѣ; золотыхъ дѣлъ мастеръ работаетъ, вдохновляемый непосредственно божествомъ ⁷³. Когда поэту приходится описывать особенно тонкую работу, напр., оружіе, онъ непременно назоветъ по имени изготовителя, хотя лицо это находится далеко отъ излагаемыхъ событій.

При всемъ томъ въ гомеровскомъ обществѣ не видно какой-либо организациі ремесленниковъ. Они появляются всегда разрозненно, не соединенные въ группы, союзы. Не видно и другого показателя самостоятельности ремесленника, собственной мастерской; не видно, чтобы онъ приобрѣталъ матеріалъ собственными средствами. Мастеру обыкновенно выдаютъ сырой продуктъ, особенно если онъ имѣетъ нѣкоторую цѣну. Характерно въ этомъ отношеніи, что въ числѣ сокровищъ и запасовъ у богатыхъ людей упоминаются куски желѣза. Деміурги зависятъ, главнымъ образомъ, отъ заказовъ аристократіи. Въ слѣдующій періодъ, въ VII, въ VI вв., они эмансипируются, благодаря возможно-

сти вывоза въ колоніи, и составляютъ главную или, по крайней мѣрѣ, самую дѣятельную массу поднимающихся горожанъ. Въ героическій вѣкъ именно нѣтъ еще городского общества, хотя есть пункты, въ которыхъ скопилось много людей. Гомеръ говоритъ о нихъ «густонаселенные города»⁷⁴. Но это не то, что мы привыкли называть городами, разумѣя самостоятельныя общины, гдѣ тонъ задаютъ купеческіе и художественно-ремесленные элементы. Гомеровскіе города скорѣе всего большія слободы, выросшія кругомъ замковъ, работающія на сеньеровъ и питающіяся въ значительной мѣрѣ на средства, добытыя войной.

Миѳологія и религія Гомера. Въ гомеровскихъ поэмахъ большую роль играютъ боги. Они не только рѣшаютъ человѣческія судьбы, помогаютъ или вредятъ героямъ, но они выступаютъ лично, по временамъ въ человѣческомъ образѣ, непосредственно сносятся и сталкиваются съ людьми. Ихъ общая жизнь на Олимпѣ изображена очень яркими, вполнѣ человѣческими чертами; въ характеристикѣ отдѣльныхъ боговъ и богинь поэтъ достигаетъ еще большей индивидуализаціи, чѣмъ въ изображеніи людей.

Долгое время въ наукѣ эти миѳологическіе элементы гомеровскаго творчества принимались за объективныя документальныя данныя греческой религіозной мысли. Гомеръ казался прямымъ источникомъ исторіи религіозныхъ вѣрованій грековъ. Антропоморфизмъ его боговъ и богинь, соединеніе въ нихъ всѣхъ человѣческихъ качествъ и слабостей признавали за характерную черту вообще греческой религіи. Больше того, Гомера считали систематизаторомъ греческихъ вѣрованій, въ его поэмахъ видѣли художественно законченную теологію. Гомеръ создалъ для грековъ Олимпъ, семью боговъ, онъ объединилъ разрозненные культы и миѳы грековъ въ одно цѣлое, далъ грекамъ связанный религіозный міръ.

Въ правильности такого взгляда на Гомера можно сомнѣваться. Прежде всего поражаетъ та легкая, иногда ироническая манера, которую позволяетъ себѣ Гомеръ въ обращеніи съ богами. Неужели и эта черта принадлежитъ къ греческимъ вѣрованіямъ и греческой религіозной мысли вообще? Трудно допустить, чтобы вѣрующіе люди могли забавляться такими эпизодами эпоса, какъ любовь Арея и Афродиты, обнаруженная Гефестомъ, и послѣдующее публичное осмѣяніе обманутаго мужа, или ссоры Зевса съ Герою, или взаимная брань боговъ. Затѣмъ можно замѣтить, что сцены, гдѣ фигурируютъ боги, такъ же свободно скомпанованы авторомъ, какъ его рассказъ о приключеніяхъ героевъ; жизнь боговъ, ихъ полеты и столкновенія, ихъ увлеченія и страсти—такой же романъ, какъ все остальное въ эпосѣ.

Значитъ ли это, обратно, что Гомеръ никакого отношенія къ гре-

ческой мифологии и религии не имѣеть? Конечно, нѣтъ. Міръ боговъ не сочиненъ вѣдь Гомеромъ отъ начала до конца; его фантазія исходила отъ извѣстныхъ распространенныхъ мотивовъ; нѣкоторые изъ этихъ мотивовъ были, вѣроятно, литературными заимствованиями изъ вавилонскаго или египетскаго эпоса и вошли впервые въ обиходъ греческаго художественнаго творчества; другіе зато примыкали къ стариннымъ сказаніямъ. Нужно только имѣть въ виду, что всѣ эти мифологическіе элементы—не теологія и не предметъ вѣры; Гомеръ здѣсь только болѣе разнообразный, талантливый рассказчикъ въ ряду другихъ. Впослѣдствіи также свободно обращаются съ мифами писатели трагедій; но и у нихъ есть установившіеся рассказы и обороты, которыми они вдохновляются.

Съ другой стороны, стоитъ остановиться на фактѣ фривольнаго отношенія Гомера къ богамъ. Таковой не могла быть теологія его времени. Антропоморфизмъ, столь далеко зашедшій, уже давно растался со всякою религіей въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Но, спрашивается, какова же была психологія и религія людей, которые такъ любили играть фигурами небожителей, которые сдѣлали себѣ какъ бы спортъ изъ потѣхи надъ богами? Приходитъ въ голову мысль, что Гомеръ есть начало отрицанія личныхъ божественныхъ силъ, что его пропія, его игра съ образами боговъ происходитъ отъ его крайне скептическаго отношенія къ вѣрованіямъ современниковъ; отсюда находили возможнымъ называть Гомера первымъ греческимъ рационалистомъ. Подобное сужденіе будетъ, однако, въ свою очередь крайностью. Гомеровскіе греки далеки отъ того, чтобы быть атеистами. Наоборотъ, они полны религіозныхъ страховъ и суевѣрій. Особенно боятся они подземныхъ боговъ, и стоитъ замѣтить, что божества эти не участвуютъ въ шумномъ и фривольномъ хороводѣ олимпійцевъ, нарисованномъ у Гомера. Боятся они также духовъ умершихъ; ревнисто принимаютъ людьми всякія мѣры, чтобы избавиться отъ преслѣдованія со стороны тѣней. Затѣмъ они обращаются и къ олимпійскимъ богамъ: при заключеніи договоровъ боги призываются въ свидѣтели, ихъ молятъ о побѣдѣ.

Какъ согласить различныя противорѣчія въ отношеніи къ богамъ у Гомера? Въ данномъ случаѣ, можетъ быть, особенно полезно вспомнить, что Гомеръ принадлежитъ героическому вѣку, т.-е. что онъ изображаетъ одну опредѣленную часть греческаго общества или изображаетъ это общество въ особомъ состояніи. Восточно-греческій міръ переживалъ не просто только воинственную эпоху; масса людей сдвинулась съ мѣсть и не успокоилась еще. Это передвиженіе было большимъ кризисомъ народной жизни. Ему предшествовалъ какой-то глу-

бокій разрывъ въ старыхъ патріархальныхъ общинахъ. Молодые покойныя поколѣнія вырвались изъ мелкой тѣсной жизни, направляемой традиціями и стародавнимъ обычаямъ. Дѣти ушли отъ отцовъ, мятежные и предприимчивые элементы отъ покойныхъ и косныхъ. Передъ уходомъ они осмѣяли и опрокинули своимъ отрицаніемъ старые авторитеты, какъ земные, такъ и небесные. Они отказались повиноваться унаслѣдованнымъ властямъ, соединились вокругъ своихъ новыхъ вождей по собственному выбору и влеченію и организовались на началахъ новаго права. Это—право войны, право сильныхъ; въ немъ громко звучитъ индивидуальное начало: «что я приобрѣлъ своимъ мечомъ, то мое личное, а не общее, не божье, какъ учили старинные служители боговъ, управлявшіе ихъ имуществомъ».

Новые люди исполнены удалства, увѣренности въ своихъ силахъ, пренебреженія къ обветшалымъ формамъ и понятіямъ, которыя ими покинуты. Ихъ сопровождаетъ своя интеллигенція, которая пытается выразить новые дерзанія и вкусы. У Гомера какъ бы слышатся отзвуки ироническаго и отрицательнаго отношенія къ богамъ, чтимымъ на старой родинѣ. Эти высшія силы, которыми пугали въ свое время старики, не страшны больше удалцамъ. Человѣкъ можетъ теперь дерзать на все, даже вызывать на бой само божество, по крайней мѣрѣ, тѣхъ боговъ, которые послабѣе. Съ другой стороны, человѣкъ всегда склоненъ представлять себѣ бога по своему подобію: и тамъ, на небесахъ, онъ воображаетъ такое же, какъ онъ самъ, поколѣніе славлюбивыхъ, колеблемыхъ страстями, непостоянныхъ и легко возбудимыхъ воинственныхъ существъ; такое же отсутствіе дисциплины на Олимпѣ, какъ въ войскѣ, стоящемъ подъ Троей; ту же похвальбу передъ поединкомъ, способность быстро ссориться и быстро мириться и т. д. Наконецъ, у дружиннаго общества есть большая склонность къ сказкѣ и фантастическому роману; данные традиціей образы и мотивы онъ разнообразитъ и расцвѣчиваетъ, придумываетъ все новые и новые сцены и обороты; такимъ образомъ пышно развивается мифологія, вытѣсняющая собственно религію.

Но гомеровское общество кажется антирелигіознымъ лишь по отношенію къ старинѣ, къ покинутой родинѣ и ея святынямъ. Его рационализмъ или скептицизмъ—не общій, не безусловный, а лишь частный, ограниченный. У воителей есть своя религія. Согласно ихъ вѣрѣ, человѣкъ не такъ приниженъ передъ высшими силами, онъ гораздо болѣе самостоятеленъ. Божества стоятъ къ нему несравненно ближе, они относятся къ нему очень интимно: если человѣкъ и божество разнаго пола, они могутъ вступать въ супружескія отношенія; у выдающагося героя есть свой спеціальнй покровитель или покровительница

среди боговъ, и отношеніе къ такому духу-хранителю со стороны человека глубоко почтительное.

Далѣе, есть вѣра въ какую-то страшную міровую силу, неисповѣдимую судьбу, губящую не только людей, но налагающую свою тяжелую руку и на боговъ. Къ ней, однако, нѣтъ подступу; ее нельзя ни умолить, ни отстранить; она не составляетъ предмета культа. Наконецъ, люди героическаго вѣка крайне озабочены мыслью о загробной жизни. При изученіи гомеровскаго эпоса обратили вниманіе на сходство обычая похоронъ у грековъ и у германцевъ соотвѣтствующей эпохи. Любопытно и то обстоятельство, что сожженіе тѣла героя вмѣстѣ съ убитыми плѣнниками и слугами, съ его любимыми животными и т. д. есть довольно быстро преходящій обычай, непохожій ни на предшествующіе, ни на послѣдующіе способы погребенія. Видимо, онъ составлялъ особенность героическаго вѣка и стоялъ въ тѣсной связи съ вѣрованіями именно этого общества. Въ главныхъ чертахъ представленія гомеровскихъ грековъ о загробной жизни сводятся къ тому, что есть какое-то общее мѣсто нахожденія душъ, куда онѣ улетаютъ, освободившись отъ тѣла, сожженнаго огнемъ. Загробное пребываніе не есть жизнь въ настоящемъ смыслѣ, хотя въ средѣ тѣней остается іерархія земныхъ отношеній, и герои первенствуютъ надъ остальными; но личности умершихъ какъ бы стерлись; отъ нихъ остались лишь едва уловимыя слабыя подобія ⁷⁵. Въ такой формѣ безсмертіе не утѣшаетъ героя. Онъ спѣшитъ взять отъ краткаго земнаго вѣка все, что возможно; но онъ хочетъ также жить въ памяти своей ровни, другихъ героевъ, онъ хочетъ, чтобы свѣтъ былъ полонъ его славы.

Гомеровское общество можно назвать свѣтскимъ, эмансипированнымъ отъ власти духовенства. Греческихъ героевъ, отправившихся походомъ на Трою, сопровождаетъ во всѣхъ превратностяхъ гадатель Калхасъ; онъ оказываетъ воителямъ неоцѣненныя услуги своими предсказаніями, своимъ умѣніемъ пытаться волю боговъ. Но этотъ служитель боговъ не имѣетъ никакой силы надъ воителями; онъ не вмѣшивается въ ихъ споры; въ столкновеніи Агамемнона съ Ахилломъ онъ становится слѣпымъ исполнителемъ требованій главнаго вожда.

Религіозныя понятія Гесіода. Міровоззрѣніе Гесіода кажется гораздо болѣе серьезнымъ и возвышеннымъ. У него нѣтъ и намекъ на шутливое или ироническое отношеніе къ богамъ, которое такъ характерно для Иліады. Высшій богъ Зевсъ, который собственно является единымъ правителемъ міра, далекъ отъ рода человѣческаго; онъ поручаетъ охрану людей безчисленному легіону безсмертныхъ духовъ. Эти духи, закутанные въ туманъ, блуждающіе всюду на землѣ, наблюдаютъ поступки человѣческіе, хорошіе или дурные. Есть также

рожденная Зевсомъ Дѣва-Правда, которую чтятъ и уважають боги, обитатели Олимпа. Если кто-нибудь оскорбитъ или обидитъ ее своей лживостью, она тотчасъ же возносится къ престолу своего отца, Кронида Зевса; она открываетъ ему замыслы нечестивцевъ, чтобы онъ могъ покарать весь народъ за безумную гордость его царей, которые своими кознями и неправедными рѣчами вносятъ кривду въ суды. Гесиодъ продолжаетъ далѣе въ тонѣ ветхозавѣтныхъ пророковъ, безстрашно обличавшихъ свѣтскихъ властителей: «Вспомните слова мои, цари, пожиратели даровъ; судите по совѣсти; никогда не постановляйте неправеднаго приговора. Кто создаетъ горе другому, приноситъ горе самому себѣ. Око Зевса все видитъ, все знаетъ; онъ смотритъ на васъ, когда того хочетъ, онъ знаетъ, какъ творится судъ въ нѣдрахъ городовъ» ⁷⁶.

Въ гомеровскомъ обществѣ нѣтъ людей, которые могли бы себѣ позволить подобныя рѣчи по отношенію къ власти имущимъ. Откуда же почерпнулъ Гесиодъ право и смѣлость говорить такимъ проповѣдническимъ тономъ? Въ поэмѣ «Труды и дни» разсыпано множество изреченій, примѣтъ, наставленій, которыя могли быть усвоены Гесиодомъ исключительно въ школѣ, направляемой жрецами и гадалеями. Поэтъ хорошо изучилъ религіозную мудрость своего времени; онъ сознаетъ себя какъ бы вооруженнымъ духовной властью, заимствованной у прежнихъ руководителей общества. Патріархальные авторитеты оттѣснены свѣтскими вождями, наступило торжество матеріалистическихъ элементовъ жизни; масса людей увлечена жадной наживы, гонится за богатствомъ, не разбирая средствъ; порча захватила самихъ правителей. Изъ среды консервативнаго крестьянства, тѣснимаго повѣйшими формами грабительства, поднимается голосъ, напоминающій о забытой правдѣ. Проповѣдникъ знаетъ о какомъ-то старомъ золотомъ вѣкѣ невинности и счастья; земля производила тогда сама обильные плоды; безъ труда собирали ихъ люди, спокойные въ своемъ довольствѣ, богатые стадами, любезные блаженнымъ богамъ.

Сказаніе о земномъ раѣ, когда люди были благочестивы, появляется въ исторіи всюду, какъ произведеніе жречества, отодвинутаго свѣтскими и военными вождями: это сказаніе, въ одно и то же время, злая критика на современность и возвеличеніе старины, когда правили они, духовные авторитеты.

Пессимистическія пророчества Гесиода. Жреческая философія исторіи даетъ себя знать во многихъ идеяхъ и картинахъ Гесиода. Въ его глазахъ человѣческія несчастія, потеря райскаго блаженства составляетъ результатъ дерзости человѣка и грѣхонпаденія его. Дерзость выразилась въ томъ, что Прометей похитилъ съ неба огонь, раскрылъ и

передалъ на землю тайну боговъ. Въ наказаніе за этотъ обманъ всемогущій Зевсъ послалъ людямъ соблазнъ въ лицѣ очаровательной красавицы Пандоры; мы встрѣчаемся тутъ впервые съ мотивомъ, который разовьется потомъ въ злую формулу аскетическихъ святошъ: «женщина—сосудъ діавола». Несчастія и болѣзни обрушиваются на родъ человѣческой изъ-за грѣха греческой Евы; Пандора не могла превозмочь любопытства, заглянула въ ларецъ, подарокъ боговъ, и выпустила черныхъ демоновъ, которые бросились терзать людей ⁷⁷.

Своеобразно сплетаются эти клерикальныя идеи съ требованіями новой жизни, которыя долженъ признать Гесіодъ. Въ блаженствѣ люди не знали труда, но въ жестокой нуждѣ трудъ становится высокимъ долгомъ человѣка. Ссоры загубили людей, но разъ надо бороться за существованіе, борьба дѣлается источникомъ жизни. Поэтому Гесіодъ учитъ: на землѣ двѣ Ревности (Ἐριδεις). Одна, злая, направляетъ людей на войну и усобицы; этой Ревности никто изъ смертныхъ не любитъ, но по волѣ боговъ мы должны подчиняться тяжелому ея господству. Другая, рожденная темной ночью и помѣщенная Зевсомъ у корней земныхъ и среди людей, полезная, заставляетъ даже нерадиваго работать. Эта Ревность—соперничество, которое вызываетъ у всякаго человѣка зависть къ благосостоянію другого; глядя на богатѣющаго, соеѣда, всякій бросается на дѣло: пахать, сажать деревья, обстраивать домъ; горшечникъ соревнуетъ горшечнику, плотникъ—плотнику, нищій завидуетъ нищему, пѣвецъ—пѣвцу ⁷⁸. Въ концѣ-концовъ у Гесіода превозмогаетъ пессимизмъ: въ его глазахъ злое начало въ мірѣ нарастаетъ, и все клонится къ порчѣ и гибели. Ярко и драматично развивается онъ эту мысль въ картинѣ смѣны вѣковъ.

Люди перваго, золотого вѣка жили подобно богамъ; ни горя, ни заботы не было у нихъ; не знали они старости; смерть ихъ была подобна спокойному сну. Послѣ смерти они стали духами-хранителями послѣдующихъ поколѣній. Люди второго, серебрянаго вѣка были гораздо ниже первыхъ и силой, и умомъ; подобные большимъ дѣтямъ, вздорные, они ссорились и истребляли другъ друга; въ своей наглости они перестали поклоняться богамъ и отдавать имъ установленныя жертвы. Зевсъ разгнѣвался на нихъ и уничтожилъ ихъ родъ. Третье поколѣніе, созданное имъ, было бронзовое; люди эти были сильны и страшны, они любили только ужасныя и гибельныя дѣла войны; сердце ихъ было несокрушимо, какъ сталь; изъ бронзы было у нихъ оружіе, изъ бронзы инструменты; темнаго металла, желѣза, еще не существовало. Они сами перебили другъ друга и, безвѣстные, сошли въ холодную и обширную пещеру Ада. Слѣдующее, четвертое, поколѣніе (также бронзовое) было лучше: это герои, или полубоги. Они большею частью

погибли въ страшныхъ войнахъ подъ стѣнами Оивъ и у Трои, куда они отправились «изъ-за прекраснокудрой Елены на корабляхъ черезъ великую бездну морскую»; остальныхъ Зевсъ перенесъ на острова Блаженныхъ на краю свѣта.

«О, если бы мнѣ не жить среди людей пятого поколѣнія, а либо раньше умереть, или позже родиться! Теперь вѣдь вѣкъ желѣза. Никогда болѣе ни днемъ, ни ночью люди не избавятся отъ непосильнаго труда и бѣдствій. Пойдетъ разладъ между друзьями и между братьями. Стариковъ не захотятъ больше кормить и уважать. Водворится право сильного (*δίκη δ' ἐν χερσίν*) и исчезнетъ совѣсть. Не честныхъ людей, вѣрныхъ клятвѣ, будутъ почитать, а злыхъ и наглыхъ. Тогда Стыдъ и Правда, окутавши прекрасныя тѣла свои въ бѣлыя покрывала, покинутъ людей и восоединятся съ бессмертными на Олимпѣ, на землѣ они оставляютъ лишь жестокия мученія, и не будетъ никакого излѣченія зла»⁷⁹.

Картина паденія человѣчества кажется ужасной и безнадежной, и тенденція Гесіода выступаетъ вполне ясно: бронзовый и желѣзный вѣка, по его мнѣнію, принесли войну, жестокость, насиліе и уничтожили старинную патріархальность и чистоту нравовъ.

Гесіодъ только не вполне последователенъ относительно героевъ: они стоятъ между бронзовымъ и желѣзнымъ вѣками, они—воители, но въ то же время они лучше другихъ представителей воинственныхъ эпохъ; часть ихъ заслужила даже бессмертіе. Какъ объяснить этотъ взглядъ? Герои—вѣдь прежде всего старинные полубоги, святые богатыри, спасавшіе человѣчество. Въ различныхъ мѣстахъ Греціи показывали ихъ останки, чтили ихъ могилы. Если была народная вѣра и народный культъ, то они болѣе всего сказывались именно въ почитаніи героевъ. Это старинное народное представленіе не потеряло еще силы для Гесіода. Но уже имѣется новая обработка рассказовъ о герояхъ, данная Гомеромъ. Авторъ эпоса въ сущности подставилъ новое содержаніе въ старинное понятіе героя, сверхъестественнаго существа, поднимающагося надъ человѣческими слабостями, неутомимаго въ подвигахъ на пользу массы людей; подъ именемъ героя выступаетъ теперь безпокойный удалой витязь, задорный, славолюбивый вождь дружины. Гомеръ перенесъ древняго подвижника въ современность, облекъ его всѣми свойствами дѣятеля суроваго бронзоваго и желѣзнаго вѣка. Литературное творчество сдѣлало свое дѣло; оно закрыло старинныя фигуры и замѣнило ихъ своими реально-фантастическими созданіями. Со времени Гомера герои превратились въ басилеевъ Илиады и Одиссеи, кичливыхъ, бурныхъ, живущихъ войной и приключеніями. Эпической характеристикѣ героевъ подчиняется и Гесіодъ; оттого ему пришлось

помѣстить ихъ въ воинственный вѣкъ, предшествующій собственно современности, эпохѣ желѣза. Оттого у Гесіода неувѣренность въ сужденіи о герояхъ; въ качествѣ святыхъ богатырей они заслужили безсмертіе, въ качествѣ жестокихъ бойцовъ недавняго времени они такъ же страшны, какъ мечущіеся всюду воители переживаемаго послѣдняго вѣка.

Кризисъ героическаго вѣка. Гомеръ и Гесіодъ, каждый со своей стороны рисуютъ намъ героическій вѣкъ. Они не только два разныхъ литературныхъ темперамента; они—носители двухъ разныхъ міровоззрѣній. Одно принадлежит новымъ подвижнымъ элементамъ греческаго общества, оторвавшимся отъ патріархальной почвы. Другое—консервативной части того же общества, оставшейся на мѣстахъ, но глубоко вскобленной воинственными передвиженіями и появленіемъ новыхъ командующихъ силъ. Сторонники старины, подобные Гесіоду, признаютъ надвинувшійся переворотъ, какъ Божью кару за грѣхи людей. Они въ такой мѣрѣ чувствуютъ неудержимый и роковой характеръ перемѣны, что у нихъ слагается философія растущаго паденія челоуѣчества.

Въ лицѣ Гесіода греческое общество какъ будто стоитъ на той чертѣ, до которой дошелъ іудейскій народъ эпохи конца политической самостоятельности, когда выступали со своими обличеніями послѣдніе пророки. Вслѣдъ за рѣчами Гесіода можно было бы ожидать еще большаго отчаянія, настроенія, похожего на то, какое было у писателей конца римской имперіи. Однако, въ Греціи никто не является продолжателемъ великаго пессимиста. Воинственный вѣкъ вызвалъ реакцію, но не кончился; напротивъ, онъ втянулъ новые элементы въ морскіе набѣги, въ дальнія экспедиціи, въ колонизацію чужихъ странъ. За рыцарями двинулись купцы и ремесленники, крестьяне и рабочіе. Мѣсто аристократіи заняла городская Греція. Это та же картина, какую мы видимъ въ западной германо-римской Европѣ XI и XII вв. послѣ Р. X.

¹ Оук. I, 4. ² Герод. I, 1—5; Миносъ, царь Кносса, и у Геродота — побѣдитель карійцевъ (I, 171), первый греческій властитель морей (III, 122). ³ Cauer, Grundfragen der Homerkritik 1895, гл. Kulturstufen. ⁴ Илиад. IX, 189—91. ⁵ Drerup, Homer 1903. ⁶ Bréal, Pour mieux connaître Homère 1907. ⁷ Послѣдующее изложеніе аналогій германскихъ эпическихъ пѣсенъ VII—VIII вв. по Р. X. и гомеровскаго эпоса основано на книгѣ Chadwick, The heroic age 1912. Во многихъ отношеніяхъ предшественникомъ Чадвика является А. Lang Homer and his age 1906 и The world of Homer 1910. Лангъ горячо высказывается за единство и цѣльность гомеровскаго эпоса; изображенный Гомеромъ вѣкъ онъ считаетъ болѣе стариннымъ, чѣмъ эпоха колонизаціи іонійскаго побережья. ⁸ Одисс. VIII, 470—98. ⁹ Ил. II, 361—6. ¹⁰ Ил.

IX, 63. ¹¹ Од. III, 5—39. ¹² Од. XI, 184—7. ¹³ Ил. XVI, 164 и слѣд. ¹⁴ Од. XI, 168. ¹⁵ Ил. XXIII, 296. ¹⁶ Ил. XIII, 669. ¹⁷ Од. IV, 174. ¹⁸ Ил. IX, 406—7. ¹⁹ Ил. XII, 310—21. ²⁰ Од. XV, 321. ²¹ Ил. XXI, 40; 79. ²² Ил. VII, 467—75. ²³ Од. I, 184. ²⁴ Ил. XVIII, 105—6. ²⁵ Ил. XIX, 79—80, ²⁶ Ил. IX, 464—73. ²⁷ Ил. VI, 243. ²⁸ Од. III, 400. ²⁹ Ил. IV, 314—5. ³⁰ Од. XXIV, 504—26. ³¹ Од. VII, 11. ³² Од. VI, 197. ³³ Ил. IX, 67—76. ³⁴ Ил. II, 203—6. ³⁵ Ил. II, 360. ³⁶ Од. XV, 466—8. ³⁷ Од. XIII, 8. ³⁸ Ил. XXII, 119. ³⁹ Ил. II, 404. ⁴⁰ Од. II, 14. ⁴¹ Од. II, 25—34; Ил. IX, 13; Од. III, 136. ⁴² Ил. IX, 11. ⁴³ Од. III, 137—50. ⁴⁴ Ил. II, 85 и слѣд. ⁴⁵ Ил. XII, 421—3. ⁴⁶ Од. VI, 10. ⁴⁷ Ил. XV, 498. ⁴⁸ Од. XIV, 64. ⁴⁹ Од. XI, 489—91. ⁵⁰ Од. XIV, 208—11. ⁵¹ Ил. IX, 648. ⁵² Ил. XXI, 444. ⁵³ Од. XVIII, 357. ⁵⁴ Од. IV, 643—4. ⁵⁵ Ил. XXI, 441. ⁵⁶ Ил. XVIII, 550. ⁵⁷ Од. XIV, 22. ⁵⁸ Од. XXI, 214—5. ⁵⁹ Гесиодъ, Труды 39; 262 и др. ⁶⁰ Гес. Θεογονία 26—28. ⁶¹ Гес. Тр. 662. ⁶² Гес. Тр. 210—12. ⁶³ Гес. Тр. 353—4. ⁶⁴ Гес. Тр. 453—4. ⁶⁵ Гес. Тр. 376—8. ⁶⁶ Гес. Тр. 236—7. ⁶⁷ Гес. Тр. 618 и слѣд. ⁶⁸ Од. XV, 416 и слѣд. ⁶⁹ Од. VIII, 162—4. ⁷⁰ Ил. VI, 234—6. ⁷¹ Ил. XXIII, 264. ⁷² Од. XVII, 382—6. ⁷³ Од. VI, 232—4. ⁷⁴ Ил. III, 400. ⁷⁵ Од. XI, 207—223; Ил. XXIII, 72. ⁷⁶ Гес. Тр. 267—9. ⁷⁷ Гес. Тр. 47—104. ⁷⁸ Гес. Тр. 11—26. ⁷⁹ Гес. Тр. 178—201.